

Роальд Мандельштам

Роальд Мандельштам — яркое и своеобразное явление поэзии и художественной жизни Ленинграда 1940-1950-х годов. Короткая биография поэта (1932-1961 гг.) вобрала в себя наиболее характерные черты советской эпохи: репрессии (коснувшиеся родных и близких друзей), войну и блокаду, бездомность и коммунальный быт, голод и болезни, оборвавшие в конце концов эту короткую и артистическую жизнь. Но можно утверждать, что и сама жизнь и поэзия Роальда Мандельштама состоялись, состоялись как вызов и опровержение окружающей «нежизни». Путем приобщения к традиции Александра Блока, Николая Гумилева и Осипа Мандельштама. Всепроникающий стиль сталинского ампира преодолевался поэзией имперского изгнанника Овидия (что, в свою очередь, предвосхитило Иосифа Бродского), монохромность и прозаичность быта — поэтикой А. Грина и Ф. Вийона, поэзией провансальских трубадуров и Ф.-Г. Лорки. Роальд Мандельштам временами воспринимается экзотическим привоєм на обледенелой земле Петербурга-Ленинграда. Поэт оказал (и

оказывает до сих пор) сильнейшее воздействие на своих друзей-художников, с которыми познакомился в конце 1940-х годов. Литературное наследие Роальда Мандельштама пестрит посвящениями, эпиграммами и шутивными эпитафиями Рихарду Васми, Александру Арефьеву, Шолому Шварцу, Валентину Громову, Владимиру Шагину и Родиону Гудзенко.

*Юрий Новиков,
искусствовед*

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Скоро в небесные раны
Алая хлынет заря.
Золото ночи — бураны —
Хлопьями листьев горят.

Вижу: созвездия-кисти
Неба победных знамён,
Слышу осенние листья,
Их металлический звон —

Бьёт листопад в барабаны,
Каждым листом говоря:
— Скоро в небесные раны
Алая хлынет заря!

* * *

Пустынные улицы мглисты,
А ветер осенний певуч,
Поблекшие вешая листья
На туго натянутый луч.

У осени — медные луны,
А лунная зелень — горька, —
Зеленые горькие струны
Ночами висят с потолка.

В звенящие ночи не спится,
Луна заливает постель,
В глазах небылица клубится,
В окне — золотая метель.

1954

ВОР

**Вечер входит в сырые дворы,
Разодетый пестрей петуха,
Но не в тучи закатной поры —
В серебристо-цветные меха.**

**Он приходит в темнеющий сад.
Попросить у поникших ветвей:
— Дай мне золота, ты, Листопад,
На мониста подруге моей!**

**Только с ношей ему не уйти, —
Перерезав дорогу ему,
Я стою у него на пути,
Все сокровища я отниму:**

**И монеты из желтой листвы,
И роскошную шубу из туч, —
Угрожающим светом блеснит
Из-за пояса вырванный луч.**

НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ

Запах камней и металла,
Острый, как волчьи клыки,
— помнишь? —

В изгибе канала —
Призрак забытой руки,
— видишь? —

Деревья на крыши
Позднее золото льют.
В Новой Голландии
— слышишь? —
Карлики листья куют.

И, листопад принимая
В чаши своих площадей,
Город лежит, как Даная,
В золотоносном дожде.

НОВАЯ ГОЛЛАНДИЯ

Запах камней и металла,
Острый, как волчьи клыки,
— помнишь? —

В изгибе канала
Призрак забытой руки,
— видишь? —

Деревья на крыши
Позднее золото льют.
В Новой Голландии
— слышишь? —
Карлики листья куют.

Карлы куют!
До рассвета
В сети осенних теней
Мы собирали букеты
Тёмных ганзейских монет.

* * *

— Эль-Дорадо!

— Эль-Дорадо!

Неужели ты не рада

Звонким жертвам листопада —

Ярким трупикам дорад?

— За ограды,

За ограды!

Рвутся мёртвые дорады.

— Эль-Дорадо!

— Эль-Дорадо!

В клетках бьётся листопад!

* * *

Розами громадными увяло
Неба неостывшее литьё —
Вечер, догорая за каналом,
Медленно впадает в забытьё.

Ярче глаз под спущенным забралом
Сквозь ограды плещет Листопад —
Ночь идёт, как мамонт Гасдрубала, —
Звездоносный плещется наряд.

Что́ молчат испуганные птицы?
Чь́и лучи скрестились над водой?
— В дымном небе плавают зарницы,
Третий Рим застыл перед бедой.

NOCTURNO

Розами громадными увяло
Неба неостывшее литьё:
Вечер,
Догорая у канала,
Медленно впадает в забытьё.
Ни звезды,
 Ни облака,
 Ни звука —
В бледном, как страдание, окне.
Вытянув тоскующие руки,
Колокольни бредят о луне.

БУРИМЕ

Себе и только, в день рождения

**Радуйтесь ветру, звонкому ветру! —
Каждый находит, то что искал:
Город сегодня, город сегодня —
Тонко поющий, лиловый бокал.**

**Ночь листопада, ночь листопада:
Каждый листок — золотой тамбурин,
Лунные рифы — в море заката,
Алые грифы — в мире глубин.**

**Золото в листьях, золото в листьях —
Подвиг и радость, чуждому мер!
Радуйтесь ветру, звёздному ветру,
Истина — ветер, жизнь — буриме!**

16.09.1954

ДИАЛОГ (sonetto)

Наше небо — ночная фиалка
Синевой осенившее дом, —
Вьётся полночь серебрянной галкой
У моста над чугунным ребром.

Наши тучи теплы как перины,
Эта скука — удел городам...
Листопад золотой балериной
Дни и ночи летит по садам.

Наши люди забыли о чести,
Полюбили дешёвый уют,
И, мечтая о призрачной мести,
Наши дети угрюмо растут.

— Вы сегодня совсем, как бараны —
Дураки, подлецы, наркоманы.

* * *

**Я так давно не видел солнца! —
Весь мир запутался в дождях.
Они — косые, как японцы —
Долбят асфальт на площадях.**

**И сбросив с крыш кошачьи кланы
Искать приюта среди дров,
Морские пушки урагана
Громят крюйт-камеры дворов.**

26 июня <1958>

* * *

Так не крадутся воры —
Звонкий ступает конь —
Это расправил город
Каменную ладонь,

Двинул гранитной грудью
И отошел ко сну...
Талая ночь. Безлюдье.
В городе ждут весну.

— Хочешь, уйдем, знакомясь,
В тысячу разных мест,
Белые копыта звонниц
Сломим о край небес.

Нам ли копить тревоги, —
Жить и не жить, дрожа, —
— Встанем среди дороги,
Сжав черенок ножа!..

* * *

**Звонко вычеканив звёзды
Шагом чёрных лошадей,
Ночь проходит грациозно
По тарелкам площадей.**

**Над рыдающим оркестром,
Над почившим в бозе днём,
Фалды чёрного маэстро —
Воронёным вороньём.**

**И черней, чем души мавров, —
Если есть у них душа, —
В тротуары, как в литавры,
Марш просыпался шурша.**

Ковшом Медведицы отчерпнут,
Скатился с неба лунный серп —
Как яростный рог луны ущербной
И как велик её ущерб!

На медных досках тротуаров
Шурша, разлётся лунный шёлк,
Пятнист от лунного отвара,
От лихорадки лунной — жёлт.

Мой шаг, тяжёлый, как раздумье
Безглазых лбов — безлобых лиц,
На площадях давил глазуню
Из луж и ламповых яиц.

— Лети, луна! Плети свой кокон,
Седая вечность — шелкопряд —
Пусть темные колодцы окон,
И обо мне не говорят!

Мороз от ног отщиплет пальцы —
Добыча верная в ночах, —
Идут! Они — неандертальцы,
А я — копьё на их плечах.

— Идут, идут, — отлично спелись
Под шорох туч и ветра свист;
— Какая ночь! — Археоптерикс —
Не час полуночи навис.

Не сны — сырые груды щебня,
Где чудом — треск горящих щеп...
Пусть яростный рог луны ущербной!
Но как велик её ущерб!

* * *

Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Уронив в лазоревые лужи
Золотые цепи фонарей.
— Ни звезды,
Ни облака,
Ни звука.
Из-за крыш, похожих на стога,
Вознеслись тоскующие руки —
Колокольни молят о богах.
Я встречаю древними стихами
Солнца ослепительный восход —
Утро с боевыми петухами
Медленно проходит у ворот.

АЛЬБА

**Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Уронив в лазоревые лужи
Золотые цепи фонарей.**

**Вознося тоскующие руки
Из-за крыш, похожих на стога,
Сохнут мачты с парусом в разлуке,
Колокольни молят о богах.**

**— За печальный час такой прохлады,
Эос, разоперстая заря,
Я бросаю радостные клады
Фонарей, как нитку янтаря,**

**И встречаю новыми стихами
Солнца ослепительны восход —
Утро с боевыми петухами
Медленно проходит у ворот.**

АЛЬБА

**Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Уронив в лазоревые лужи
Золотые цепи фонарей.**

**А заря едва-едва колышет
Крыльями на сером полотне,
Осторожно вписывая крыши
В тихо голубеющем окне.**

**И, как щит, невиданный дотоле,
В гербе тех, что шли издалека,
Зацветает пепельное поле
В золотые розы-облака.**

**Огненными листьями мехами
Затянув осенний небосвод,
Утро с боевыми петухами
Медленно проходит у ворот.**

УТРО

Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Наклонив в лазоревые лужи
Матовые луны фонарей.

— Слушайте, как мерно дышит море!
— Посмотрите: утро впереди! —
Нет на свете радостнее горя,
Чем печаль расплакавшихся льдин,

В час, когда на облачные стаи
Нарастает белое перо,
Да звонками алого трамвая
В тротуары брызжет серебро,

И спешат к трамваям пешеходы,
Чтобы яркой северной весной
Вылезать у дальнего завода
Из вагонов, пахнущих сосной.

23 января 1955

ЗАКЛИНАНИЕ ВЕТРА

Свет ли лунный навеял грёзы,
Сон ли горький тяжёл, как дым —
Плачет небо, роняя звёзды,
В спящий город, его сады.

Ночь застыла на чёрных лужах,
Тьма нависла на лунный гвоздь,
Ветер скован осенней стужей,
Ветер, ветер — желанный гость!

Бросься, ветер, в глаза каналам,
Сдуй повсюду седую пыль,
Хилым клёнам, что в ночь стонали,
Новой сказкой пригрезив быть.

Сморщи, ветер, литые волны,
Взвей полно́чи больную сонь,
Пасти комнат собой наполни, —
Дай несчастным весенний сон.

Серым людям, не ждущим счастья,
Бедным теням, забывшим смех, —
— Хохот бури, восторг ненастья —
Души слабых — одень в доспех!

Ветер, ветер, ночная птица!
Бей в литавры снесённых крыш,
Дай нам крылья, чтоб вдаль стремиться,
В брызги, громы, взрывая тишь.

25 ноября 1953

* * *

Когда сквозь пики колоколен
Горячей тенью рвется ночь.
Никто в предчувствиях не волен.
Ничем друг другу не помочь.

— О, ритмы древних изречений!
— О, песен звонкая тщета! —
Опять на улицах вечерних
Прохожих душит темнота.

Раздвинув тихие кварталы,
Фонарь над площадью возник:
Луна лелеет кафедралы,
Как кости мамонтов — ледник.

— Кто б ни была ты — будь со мною!
Я больше всех тебя люблю,
Пока оливковой луною
Облиты тени на полу.

Пока не встанет у порога,
Зарю венчая, новый день, —
Я — сын и внук распявших Бога, —
Твоя бессмысленная тень.

* * *

Опять сквозь пики колоколен
Горячей тенью рвётся ночь,
И снится мне: я очень болен,
И ты пришла, чтоб мне помочь.

Рыдает небо в спящий город,
И за звездой летит звезда
На серебристые узоры —
Твои бездонные глаза.

А мне ничем уж не поможешь,
И вянет, тоньше лепестка,
Моя шагреневая кожа
В твоих тоскующих руках.

Полны томительною грустью
Твои весенние духи,
Зовя от странных грёз очнуться
И перестать писать стихи...

Но мне смешна твоя тревога, —
Один, в сверкающем аду, —
Я — сын и внук распявших Бога —
В неизвестных сумерках иду.

И так всю ночь: не зная брода,
По пояс в лунной синеве —
Осколок проклятого рода
С горячкой ритмов в голове.

* * *

Веселятся ночные химеры,
И скорбит обездоленный кат:
Облака — золотые галеры —
Уплывают в багровый закат...

Потушив восходящие звёзды,
Каменея при полной луне,
Небеса, как огромные розы,
Отцветая, склонились ко мне.

— Где душа бесконечно витает?
Что тревожит напрасную грусть?
Поутру обновлённого края,
Я теперь никогда не проснусь:

Там, где день, утомленный безмерно,
Забывается радостным сном,
Осторожный опустит галерник,
На стеклянное небо весло.

Получившего странную веру,
Не коснется застенчивый кат —
Уплывают, качаясь, галеры
На багрово-цветущий закат...

01.05.54 г.

* * *

**Я не знал, отчего проснулся;
Но печаль о тебе легка,
Как над миром стеклянных улиц —
Розоватые облака.**

**Мысли кружатся, тают, тонут,
Так прозрачны и так умны,
Как узорная тень балкона
От летящей в окно луны.**

**И не надо мне лучшей жизни,
Сказки лучшей — не надо мне:
В переулке моём — булыжник,
Будто маки в полях Монэ.**

АЛЬБА

**Ночь на исходе.
По крышам шагают тучи.
Шлёпают жабы — это
Старух покидают сны.
Луна неизвестно где.
Кошки канючат.
Звенят доспехи —
Сны покидают детей.**

Ночь на исходе!

УТРО

Ночь на исходе
По крышам шагают тучи.
Шлёпают жабы — это
Старух покидают сны.

Кошки канючат,
Звенят доспехи —
Сны покидают детей.

.

Ночь на исходе
По крышам шагают тучи.
Белеет булыжник.
В изящных овалах луж —

Утренний ветер,
Рассыпав серебряных рыбок
(очень весёлых),
вспыхнул и сразу погас.

.

Ночь на исходе
По крышам шагают тучи.

3 июля 1957

КАЧАНИЯ ФОНАРЕЙ

**Белый круг ночной эмали,
Проржавевший от бессониц
И простудного томленья
Перламутровой луны,
Плыл, качаясь, в жёлтом ветре,
И крылом летучей мыши
Затыкал глазницы дому
Погасившему огни.
За окном — рябые лужи,
(Запах лестницы и кошек),
И серебряный булыжник
В золотистых фонарях.
А за стенкой кто-то пьяный,
В зимней шапке и калошах,
Тыкал в клавиши роялю
И смеялся.**

ПРЕДРАССВЕТНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

**Час чердачной возни:
То ли к дому спешат запоздалые мыши,
То ли серые когти
Рассвета коснулись стены,
То ли дождь подступил
И ломает стеклянные пальцы
О холодный кирпич,
О худой водосток,
О карниз?..
Или просто за тридевять стен
И за тридевять лестниц
Скупно звякнула медь,
Кратко щелкнули дверью:
Незнакомый поэт
На рассвете вернулся домой?**

ДИАЛОГ

**— Почему у вас улыбки мумий,
А глаза, как мёртвый водоём?**

**— Пепельные кондоры раздумий
Поселились в городе моём!**

— Почему бы не скрипеть воротам?

— Некому их тронуть, выходя! —

Золотые мётлы пулемётов

Подмели народ на площадях.

АЛЫЙ ТРАМВАЙ

Сон оборвался: не кончен
Хохот и каменный лай.
В звёздную изморозь ночи
Бросился алый трамвай.

Пара пустых коридоров
Мчится, один за другим.
В каждом — двойник Командора —
Холод гранитной ноги.

— Кто тут?
— Кондуктор могилы!

Молния взгляда черна.
Синее горло сдавила
Цепь золотого руна.
— Где я? (Кондуктор хохочет).
— Что это? Ад или Рай?

— В звёздную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай!

Кто остановит вагоны?
Нас закружило кольцо!
Мёртвый чугунной вороной
Ветер ударил в лицо.

Лопнул, как медная бочка,
Неба пылающий край.
В звёздную изморозь ночи
Выброшен Алый Трамвай!

22 мая 1956 г.

* * *

Заоблачный край разворочен,
Он как в лихорадке горит:
— В тяжёлом дредноуте ночи
Взорвалась торпеда зари.

Разбита чернильная глыба!
И в синем квадрате окна
Всплывает, как мёртвая рыба,
Убитая взрывом, луна.

А снизу, где рельсы схлестнулись,
И чёрств площадной каравай,
Сползла с колесованных улиц
Кровавая капля — трамвай.

ДИАЛОГ

— Что это, лай ли собачий,
Птиц ли охотничих клёкот?
— Кто-то над нами заплачет,
Кто-то придёт издалёка!
— Взвоют ли дальние трубы?
— Воют! Но только впустую,
Умерших, в чёрные губы
Белая ночь поцелует.
— Настежь распахнуты двери!
— Близится дымное «завтра»!
— Что там?
— Толпятся деревья!
<Третий>: — Любятся бронтозавры!

* * *

Тучи.
Моржовое лежище булок
Еле ворочает даль.
Утром ущелье — Свечной переулок,
Ночью — Дарьял, Ронсеваль.

Ночью шеломами грянутся горы.
Ветры заладят своё,
Эти бродяги, чердачные воры,
Делят сырое бельё.

Битой жене — маскарадные гранды
Снятся, —
Изящно хотят...

.....
Гуси на Ладогу прут с Гельгоlanda.
Серые гуси летят!

29.04.56 г.

* * *

Шале

Горячие тучи воняют сукном.
По городу бродит кошмар.
Угарные звёзды шипят за окном,
Вращается Каменный Шар.
Я знаю, в норе захороненный гном,
Мышонком в ковровую прель:
— В застенке пытаются зарю,
метроном
Кует серебристую трель.

Меня лихорадит.
— О, сердце как лёд!
О мозга пылающий жар!
Косматое солнце по венам плывёт.
Вращается Каменный
Шар.

10.11.58 г.

* * *

Вечерами в застывших улицах,
От наскучивших мыслей вдали,
Я люблю, как навстречу шурятся
Близорукие фонари.

По деревьям садов заснеженных,
По сугробам сырых дворов
Бродят тени, такие нежные,
Так похожие на воров.

Я уйду в переулки синие,
Чтобы ветер приник к виску, —
В синий вечер, на крыши синие,
Я заброшу свою тоску.

Если умерло всё бескрайнее
На обломках забытых слов,
Право, лучше — звонки трамвайные
Измельчавших колоколов.

февраль 1954

ЗАМЁРЗШИЕ КОРАБЛИ

**Вечер красные льёт небеса
В ледяную зелень стекла,
Облетевшие паруса
Серебром метель замела.**

**И не звёзды южных морей,
И не южного неба синь:
В золотых когтях якорей —
Синева ледяных трясин.**

**Облетевшие мачты — сад,
Зимний ветер клонит ко сну,
А во сне цветут паруса —
Корабли встречают весну.**

**И синее небес — моря,
И глаза — синее морей,
И, краснея, горит заря
В золотых когтях якорей.**

1954

ВЕЧЕРНИЦА

**О, предзакатная пленница! —
Волосы в синих ветрах —
В синей хрустальной вечернице
Кто-то сложил вечера.**

**Манием звёздного всеера
Ветер приносит в полон
Запах морской парфюмерии
В каменный город-флакон.**

**Пеной из мраморных раковин
Ночь, нарождаясь, бежит,
— Маками, маками, маками, —
Розами небо дрожит.**

**В синей хрустальной вечернице
Яблоки бронзовых лун...
О предзакатная пленница! —
Ночь на паркетном полу.**

11.04.1954

* * *

Если луна, чуть жива,
Блекнет в раме оконной —
Утро плетёт кружева —
Тени балконов;

Небо приходит ко мне,
Мысли — *его* стрекозы,
Значит, цвести войне
Алой и Белой розы.

Значит, конец фонарям,
Что им грустить, качаясь! —
Льётся на мир заря
Золотом крепкого чая.

* * *

Когда перестанет осенний закат кровоточить
И синими станут домов покрасневшие стены, —
Я окна раскрою в лиловую ветренность ночи,
Я в двери впущу беспокойные серые тени.

На ликах зеркал, драпированных бархатом пыли,
Удвою, утрою, арабские цифры тревоги.
И в мерно поющей тоске ожидания милой
Скрипичной струной напрягутся ночные дороги.

Придёшь — и поникну, исполненный радости мгlistой,
Тебе обречённый, не смея молить о пощаде —
Так в лунном саду потускневшее золото листьев
Дрожащие звёзды лучом голубым лихорадят.

* * *

**Я нечаянно здесь — я смотрел
В отраженья серебряных крыш
И совсем от весны заболел,
Как от снега летучая мышь.**

**Захотелось придти и сказать:
— Извини, это было давно, —
И на небо рукой показать,
И раскрыть голубое окно.
— Извини, это было давно...**

ГИМН ДИКИХ

**Дикари! Нас кормят мысли, —
Открывайте банки,
Если в них ещё не скисли
Мысли-бумеранги!**

**— На охоту! На охоту!
Смерть — микроцефалам!
Смерть — болванам-идиотам!
Нас и так немало!**

**Только диких кормят мысли —
— Проверяйте банки!
У кого мозги не скисли —
К бою бумеранги!**

ДОН КИХОТ

Помнится, в детстве, когда играли
В рыцарей, верных только одной, —
Были мечты о святом Граале,
С честным врагом — благородный бой.

В юности верили в счастье народа,
В старых и новых героев его;
Думали: тот, кто теряет свободу,
Больше не может терть ничего.

Что же случилось? — То же небо,
Так же над нами звёзд не счесть,
Но почему же огрызок хлеба
Стоит дороже, чем стоит честь?

Может быть, рыцари в битве пали
Или, быть может, сошли с ума?
Кружка им стала святым Граалем,
Стягом — нищенская сума?

— Нет! Не о хлебе едином — мудрость.
— Нет! Не для счёта монет — глаза:
Тысячи копий осветит утро,
Тайная зреет в ночи гроза.

Мы возвратимся из дальней дали
Стремя в стремя и бронь с бронёй.
Помнишь, как в детстве, когда играли
В рыцарей, верных всегда одной.

ДОН КИХОТ

Помнится, в детстве, когда играли
В рыцарей, верных только одной, —
Были мечты о святом Граале,
С честным врагом — благородный бой.

В юности верили в счастье народа,
В старых и новых героев его;
Думали: тот, кто теряет свободу,
Больше не может терть ничего.

Что же случилось? — То же небо,
Так же над нами звёзд не счесть,
Но почему же огрызок хлеба
Стоит дороже, чем стоит честь?

Может быть, рыцари в битве пали
Или сошли от любви с ума?
Держат детей под святым Граалем
В тёплых и серых своих домах?

Нет! Не не поверю, что детско пудрой
Им навсегда занесло глаза —
Тысячи копий осветит утро,
Медной кольчугой судьбу связав.

Тысячи — псами по свежему следу,
В клочья — шкуру седых ночей! —
Слышишь? — Кто-то зовёт победу
Трубной песней стальных мечей.

ПОЕДИНОК

**Он придет, мой противник неведомый,
Взвоят яростный рог в тишине,
И швырнёт, упоённый победами,
Он перчатку кровавую мне.**

**Тьма вздохнёт пламенеющей бездною,
Сердце дрогнет в щемящей тоске,
Но приму я перчатку железную
И надену свой чёрный доспех.**

**На каком-то откосе мы встретимся
В жёлтом сумраке звёздных ночей,
Разгорится под траурным месяцем
Отражённое пламя мечей.**

**Разобьются щиты с тяжким грохотом,
Разлетятся осколки копья,
И безрадостным каменным хохотом
Обозначится гибель моя.**

ДОМ ГАРШИНА

С камня на камень, с камня на камень —
Крылья ночных фонарей...
Тихи и жутки, злобны и чутки
Тёмные пасти дверей...

Холод ступенек, пыль на перилах,
Стенка, решётка, пролёт...
Смерть расплескала ночные чернила, —
В пропасть тихонько зовёт...

Здесь он стоял, в бледной улыбке,
Серой тоской изнемог —
Огненно-алый, злобный и гибкий,
Проклятый Богом цветок.

.

Красные листья перед рассветом
Дворники смыли со стен, —
Спите спокойно, в смерти поэта
Нет никаких перемен...

Спи, не тревожась, сволочь людская —
Потный и сладенький ад! —
Всякий «философ», томно лаская
Нежный и розовый зад...

С камня на камень, с камня на камень,
Стенка, решётка, пролёт...
С камня на камень, с камня на камень
Ночь потихоньку плывёт.

19 февраля 1953

ПЕСНЯ ЛЕГИОНЕРОВ

Тихо мурлычет
Луны самовар,
Ночь дымоходами стонет:
— Вар, возврати мне их!
— Вар, а Вар?
— Вар, отдай легионы!

— Нас приласкают воробы,
Выпьют глаза из голов! —
Молча поют легионы
Тихие песни без слов.

Коршуны мчат опахала
И, соглашаясь прилечь,
Падают верные галлы, —
Молкнет латиская речь.

Грузные, спят консуляры:
— Здесь триумфатора нет!
— Вар!
Неоткликнуться Вару —
Кончился список побед.

Тихо мурлычет
Луны самовар,
Ночь дымоходами стонет:
— Вар, возврати мне их!
— Вар, а Вар?
— Вар, отдай легионы!

КАТИЛИНА

1

Я полон злорадного чувства,
Читая под пылью, как мел,
Тиснёное медью «Саллюстий» —
Металл угрожающих стрел.

2

— О, литеры древних чеканов,
Чьих линий чуждается ржа! —
Размеренный шаг ветеранов
И яростный гром мятежа...

3

Я пьян, как солдат на постое,
Травой, именуемой «трын»,
И проклят швейцаром — пустое! —
Швейцары не знают латынь.

4

Закатом окованный алым, —
Как в медь, — возвращаюсь домой,
Музейное масло каналов
Чертя золотой головой.

5

А в сквере дорожка из глины,
И кошки, проходим подстать —
Приветствуя бунт Катилины,
Я сам собирался восстать,

6

Когда на пустой «канонерке»
Был кем-то окликнут «Роальд!»
— Привет вам, прохожий берсеркер!
— Привет вам, Неистовый Скальд!

7

Сырую перчатку, как вымя,
Он выдоил в уличный стык.
Мы, видно, знакомы, но имя
Не все промолвит язык.

8

Туман наворачивал лисы
На лунных жирок фонарей...
— Вы всё ещё пишете висы
С уверенной силой зверей?

9

— Пишу (заскрипев, как телега,
Я плюнул на мокрый асфальт).
А он мне: — Подальше от снега,
Подальше, неистовый Скальд!

10

Здесь в нóчи из вара и крема
Мучителен свет фонаря.
На верфях готовы триремы —
Летим в Золотые моря!

11

Пускай их (зловещие гномы!)
Свой новый творят Вавилон...
(Как странно и страшно знакомы
Обломки старинных колонн!)

12

Затихли никчёмные речи.
(Кто знает источник причин!)
Мы бросили взоры навстречу
Огням неподвижных пучин.

13

Закат перестал кровоточить
На тёмный гранит и чугуны.
В протяжном молчании ночи
Незыблемость лунных лагуны.

14

А звёзды, что остро и больно
Горят над горбами мостов, —
Удут до утра колокольни
На удочки медных крестов.

15

Я предан изысканной пытке —
Бессмысленный чувствовать страх,
Подобно тоскующей скрипке
В чужих неумелых руках.

16

**А где-то труба заиграла:
Стоит на ветру легион —
Друзья опускают забрала
В развёрнутой славе знамён.**

17

**Теряя последние силы
На встречу туманного дня...
— Восстаньте, деревья,
На вилы —
Туманное небо подняв!**

18

**На тихой пустой Канонерке
Останусь, хромой зубоскал:
— Прощайте, прохожий берзеркер!
— Прощайте, Неистовый Скальд!**

ТРИУМФ

**Тяжкой поступью входят трибуны
Легионов, закованных в медь. —
На щиты, как осенние луны,
Издалёка приходят глядеть.**

**Впереди — ветераны: легаты,
Консуляры заморских полков.
Еле зыблются тёмные латы
Над сверкающим вихрем подков.**

**И смятенно следят иностранцы,
Как среди равнодушных солдат,
Молча шел Сципион Африканский,
Окружённый друзьями, в Сенат.**

ЗОЛОТОЕ РУНО

Я — варвар, рождённый в тоскующем завтра
Под небом, похожим на дамский зонт,
Но помню былое: плывут аргонавты,
Под килем рыдает взволнованный Понт;

И мир, околдованный песней Орфея,
Прозрачен до самого дна,
И дремлет, как сказочно-добрая фея,
Влюбленная в песнь колдуна;

И в час неизвестный на берег покатый
Любви приходили помочь
Прекрасная, злая, больная Геката
И чудная царская дочь.

.

Усталое море спокойно и сонно,
Храпит на седых валунах, —
— Так спи же: не будет второго Ясона,
Как нет Золотого руна!

Май 1954

* * *

Когда-то в утренней земле
Была Эллада...
Не надо умерших будить,
Грустить не надо.
Проходит вечер,
Ночь пройдёт —
Придут туманы,
Любая рана заживёт,
Любые раны.
Зачем о будущем жалеть,
Бранить минувших?
Быть может, лучше просто петь,
Быть может, лучше?
О яркой ветреной заре
На белом свете,
Где цепи тихих фонарей
Качает ветер,
А в жёлтых листьях тополей
Живёт отрада:
— Была Эллада на земле,
Была Эллада...

* * *

**Когда я буду умирать
Отмучен и испет, —
К окошку станет прилетать
Серебряный Корвет**

**Он бело-бережным крылом
Закроет яркий свет,
Когда я буду умирать
Отмучен и испет.**

**Потом придет седая блядь —
Жизнь
(с гаденьким смешком)
Прощаться.
Эй, Корвет! Стрелять!
Я с нею незнаком!..**

**Могучим богом рухнет залп
И старый капитан
Меня поднимет на шторм-трап,
Влетая в океан.**

19 апреля 1953

* * *

А. Арсфьеву

**Небо живот-барабан
Вспучило, медно гудя,
В красные проруби ран
Лунная пала бадья.**

**Цепью бегут фонари,
С цепи сорвавшийся, рыж,
Падает сгусток зари
В синь ущемления грыж.**

**Небу дают наркоз,
Грыжу спешат рассечь,
Мокрым глазам (от слёз)
Звёздно к утру истечь.**

14.4.1954 г.

* * *

Небо живот-барабан
Вспучило, медно гудя,
В красные проруби ран
Лунная пала бадья...

Так начинается утро:
Темой шизофрении, сомнамбулы, сна,
Мыслью рыбы, немой, как Немо;
Голос птице даёт весна.

Ночь разорвалась, как облачный кокон,
Бросив горящую куколку — день
Пёстрой торпедой вдоль пепельных окон,
В лестничный хаос ступенек и стен.

Там, где чугунное кружево кружев
Давят питоны дубовых перил,
Бесится, ярче оранжевой лужи,
Солнце, рыжее, чем стадо горилл.

Пьяный шумер в подворотне Аккада
Был бы, наверное, меньше нелеп:
В утренний час золотой клоунады
Мартовский город оглох и ослеп.

Ночь дочитала засаленный сонник,
Вырванный ветром, сбывается сон:
Стал канониром последний каноник
И канонадой — последний органный канон.

11 марта 1955

НОЧЬ ЛИСТОПАДА

*И будет ночь, черней вороны,
Луна издаст тоскливый стон,
Как медный щит центуриона,
Когда в него ударит слон.*

**До утра не заперты ограды
(Всё равно их ветром разобьёт) —
Напустили в город листопады
Золотую тучу воробьев:**

**И летят сверкающие листья,
Под ногами — звёздные лучи —
Пляшет ночь и пляс её неистов:
От земли небес не отличить.**

**Там не месяц маленьким уродом
Выпрыгнул из тьмы своих берлог,
А, склонив светящуюся морду,
Полз к земле шафранный носорог.**

4.10.1954 г.

НОЧЬ ЛИСТОПАДА

Было падло.
Листья падали.
Ночь оплыла стеаринами.
Золотые горы падали
Пахли — хиной, мандаринами.

Пали тени.
Пали сумерки.
Лампы — цитрусы,
Цитраты — мы.
Ночью, ветрами простуженной,
В лужах — пыл денатуратовый.
Было падло.

2 ноября 1955

* * *

Снова осень одела сады
В драгоценный тяжёлый наряд,
И, как вестники близкой беды,
Утомленные листья летят.

И томит непонятная грусть —
Оттого ли, что ты холодна,
Оттого ль, что за гранями туч
Золотая полоска видна.

Вечер крылья свои распростер,
Вечер лаской коснулся ресниц,
Чтоб не видел тоскующий взор
На закат улетающих птиц.

Но туманом окутанный лес
Бредит призраком новой весны,
И хрустальную чашу небес
Переполнили синие сны.

ГОРОД-РЫБОЛОВ

(Этюд)

**Город-рыболов
Дремлет,
Закинув в небо
Колокольни —
— Удочки, —
И ловятся звёзды, зелёные и синие,
И ловится луна, желтая, медная, лимонная.**

БАЛЛАДА О ТОПОРАХ

**Полночь грузно повисла на сук,
Легче шишки поспело «вчера»,
И слетел с размахнувшихся рук
Голубой лепесток топора.**

**Ветром, пахнувшим золотом смол
И до сна раскалённой сосной,
У меня из-под ног унесло
Паутинку тропинки лесной...**

**Где-то рыжими стали костры,
Отцвели, походя на лису...
И стучали всю ночь топоры,
Отбивая секунды в лесу.**

* * *

Мостика профиль горбатый,
Милая, тих, как всегда,
В красную дырку заката
Ветер вдевал провода.

Бедный, неласканный, старый,
Скоро устав на земле,
Вечер качался кошмаром,
Будто в трамвайной петле.

Словом, чуть-чуть синеватый
Вечер — обычный до слёз —
Тихий, как серая вата,
Скучный, как запахи роз.

КОНЬ ВОРОНОЙ

Веют тучи крыльями орлана
Над взошедшей ночью «трын-травой», —
Стонет город матом Тамерлана
Над своей оливковой Невой.

Из хрустальных слёз концертных залов,
Золотой сонатой дребезжа,
Вороня лошадь пробежала,
Веки луж оранжево смежа.

Искрозвонка — лошадь вороня,
Всадник пьян настоем из часов,
Копья рук в туманы окуная
Под тяжёлой мерою весов, —

И, как я, хмельной твоей любовью,
Обезумев в звёздной синеве,
Истекает розовою кровью
На гранитных подступах к Неве.

ПРОДАВЕЦ ЛИМОНОВ

**— Лунные лимоны!
Медные лимоны!
Падают со звоном,
покупайте их.**

**Рассыпайте всюду
Лунные лимоны —
Лунно и лимонно
в комнате от них.**

**— Яркие лимоны!
Звонкие лимоны! —
Если вам ночами
скучно и темно,**

**Покупайте луны —
Лунные лимоны!
Медные лимоны —
золотое дно!**

ПЕСНЯ

Мои друзья — герои мифов.

Бродяги,

Пьяницы,

и воры.

Моих молитв иероглифы

Пестрят похабщиной заборы

.

Твердя своё.

Баранам, прущим на рожон.

Стихи размеренной команды —

Такие песни —

не для жён.

— Здесь есть мужья...

Но есть ли мужи?

(Мой голос зычен,

груб и прям.)

Дорогу мне!

Не я вам нужен!

Я не пою эпिताлам!

* * *

1

**Мои друзья — герои мифов,
Бродяги, пьяницы и воры.
Моих молитв иероглифы
Пестрят похабщиной заборы.**

2

**— В костре закатных облачений
Да сгинет свет и суета!
— Аминь!
(На улицах вечерних
Прохожих душит темнота).**

3

**От лунного света,
Фонарного света —
Тени:
 волюты,
 спирали,
 тенета.**

4

**Качнутся лампы,
Дрогнут тени —
И ночь обрушится в лицо —
С колючей готикой видений —
Картечью битых леденцов.**

**Молюсь, луной исполосован,
Из тени тигра — мой стихарь.
Как будто к бою разрисован,
Пою о смерти я — дикарь.**

* * *

В. Г.

**Осень.
Босая осень
В шкуре немейских львиц,
В перьях их медных сосен
(Стрелы Стимфальских птиц).
Ветер монеты сеет...
Осень.
Даная.
Миф.
Гривы садов лысеют.
Ржёт полунóчный лифт.**

* * *

Вечерний воздух чист и гулок,
Весь город — камень и стекло.
Сквозь синий-синий переулок
На площадь небо утекло.

Бездомный кот, сухой и быстрый,
Как самый поздний листопад,
Свернув с панели каменистой,
На мой «кис-кис» влетает в сад.

Старинным золотом сверкая, —
Здесь каждый лист — луны кусок,
Трубят октябрь, не умолкая,
В свой лунный рог.

ВИШНЁВАЯ МЕТЕЛЬ

**Опять луна мне яд свой льёт
На смятую постель,
Опять в саду всю ночь поёт
Вишневая метель.**

**Тревожной, тёплой темнотой
Повеяло в глаза,
А в звёздном мраке надо мной
Сгущается гроза...**

**Как звёзды близко! — В двух шагах,
Рукой могу достать,
Спустились... Все... Горят в цветах,
Но руку не поднять...**

**А кто вложил вчера в сирень
Букет из черных роз?
Цветы... Цветы... Пора? Уж день?..
Нет, нет!.. Немного грёз.**

**И ты пришла цветы смотреть?
Но что же так темно?
Я понял — это значит смерть.
Я это знал давно!**

**Но я привык встречать врагов
Лишь стоя на ногах —
Ко мне друзья спешат на зов,
И верный меч в руках.**

**Сверкнула яростная сталь
Звонящей полосой...
Вдруг тихий голос мне сказал:
— К чему ненужный бой? —**

**Я вижу: девушка кладёт
Мне руку на глаза,
И поцелуй её — как лёд,
И на щеке слеза...**

**Мне надоела канитель,
Я меч ломаю свой:
— Звени, Вишневая метель,
Теплей меня укрой!**

Разлив

БЕЛАЯ НОЧЬ

Ночью небо чуть-чуть побледнеет,
И лиловая дымка в садах
Заклубится и снова исчезнет,
Словно облако в тёплых ветрах.

И о чем-то далеком-далеком
Напевает гранитный прибой...—
О какой-то звезде светлоокой,
Об улыбке её золотой.

Всё затихло, на улицах пусто,
И погас серебристый фонтан,
Одному до утра слишком грустно;
Слишком много наваял туман.

— Приходи, покажу, как играют
Ночью звёзды с зелёной волной,
Рассказать, как горит, не сгорая,
В сердце пламень, зажжённый тобой.

Я спою тебе новую песню, —
В мире лучше её не найти, —
В ней слова, всех на свете чудесней,
И они — для тебя — приходи!

* * *

Облаков золотая орда
Ждёт пришествия новой зари.
В предрассветных моих городах
Золотые горят фонари.
Далеко, далеко до утра
И не знать опьяневшим от сна,
Что сегодня на синих ветрах
По садам пролетела весна.
Лунный город фарфоровым стал,
Белоснежным подобием глин —
Не китаец в лазурь расписал
Сероватый его каолин.
Нет, китаец, привычный к вину,
Не откроет его для людей,
Не нарежет лимоном луну
На тарелки ночных площадей! —
Но не знать опьяневшим от сна
Чудодействия напитков иных,
И напрасно им дарит весна
Бесполезно-красивые дни.

* * *

**Облаков золотая орда
Ждет пришествия новой зари.
В предрассветных моих городах
Золотые горят фонари.**

**Лунный город фарфоровым стал
Белоснежным подобием глин,
Не китаец в лазурь расписал
Сероватый его каолин.**

**Не китаец, привычный к вину,
Распечатал его для людей
И лимоном нарезал луну
На тарелки ночных площадей.**

**Я сегодня домой не вернусь
(Пусть знакомые вздор говорят),
И мечту о тебе оберну
Кружевами чугунных оград.**

* * *

**Облаков золотая орда
Ждет пришествия новой зари.
В предрассветных моих городах
Золотые горят фонари.**

**Мне от них никуда не уйти,
Да и ты не отпустишь меня...
На забытом трамвайном пути
Жду второго пришествия дня.**

* * *

Ветер навстречу рушится,
Ни огонька вдали,
Только над цирком кружится
Красное — "Ван-Ю-Ли".

Тьма отовсюду валится —
Скрыть от себя самой
Тухлую пасть Пекторалиса,
Пахнущую чумой.

А в облаках над городом
Красный дрожащий крик.
Вьюга взметает бороду
В надпись на небе: "Цирк".

1955 г.

ГОСТИНЫЙ ДВОР

Пусть Египет разграбят гиксосы,
И в ущелье умрёт Леонид, —
Голубые лотки с абрикосами
Ароматом наполнили дни.

Пусть смешные этрусские вазы
Чернокнижнику радуют взор:
— Унитазы! — Прошу: унитазы! —
Голубой, как невеста, фарфор.

Электрический котик! Мутоны! —
Легче трели ночных соловьёв,
Шелковисты, как руки Мадонны
И прохладны, как бёдра её!

Покупайте! Из розовой пены,
Как богиня, понятен и прост.
Абрикос, золотой, как Микены,
Розоватый, как зад, абрикос!

* * *

— Падают звёзды!
— серебряной пеной —
— Падают звёзды!
— и листьям упасть.
Падают звёзды! —
Как рот джентльмена, —
Золотозуба осенняя пасть!

ТЯПИЧНИК

Туман, по осеннему пресный
От ветра шатается, — пьян.
Пришел ко двору неизвестный.
Воскликнул: — Тряпьёутылбан!

Приму ли диковинный вызов —
Нелепый татарский девиз?
Ворона, бродившая низом,
Стремительно ринулась ввысь.

— О, думаю, мудрая птица!
Не любит дворовых тревог.
Но, молча
 швыряю
 в бойницу
Бутылку и рваный сапог.

24.7.1957 г.

МОСТИК С ГРИФАМИ. БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ

Рике

**Мне скучно здесь.
Я зябну на мосту,
Целуя золотистые ладони.
Роняет клён чеканную звезду.
Деревья губит медь трофейной брони.
И даже дворник, выйдя подметать,
Своей метлой обходит почему-то,
Как будто опасаясь опознать
Осенний лист — работы Бенвенуто.**

* * *

Я молчаливо зябну на мосту,
Целуя золотистые ладони.
Роняет клён чеканную звезду:
— Деревья губит медь осенних броней.
Какие клады ветру разметать!
(В них твой резец, как шпага, Бенвенуто).
Их даже дворник, выйдя подметать,
Своей метлой обходит почему-то.
Холодный лист, похожий на звезду,
И говорящий цветом о лимоне, —
В моих руках:
Я зябну на мосту,
Целуя золотистые ладони.

БАНКОВСКИЙ МОСТ

**Квадрига грифов дремлет на мосту,
Деревья губит медь осенней брони.
А я слежу падучую звезду,
Целуя золотистые ладони.**

Квадрига грифов дремлет на мосту.

* * *

От сожжённого осенью сада,
По ночным площадям уходя,
Горький ветер играл серенаду
На стеклянной гитаре дождя.

Я хотел научиться у ветра
Ни о чем никогда не грустить,
Чтобы алые розы рассвета
Для тебя по утрам приносить.

Чтобы самые чистые краски
В небесах предрассветной поры
Превратить в несравненные сказки
И тебе посвятить, как дары.

* * *

Вот светлеет небо, и совсем сгорает
Синеватый месяц в голубой заре,
Тихо и красиво клёны умирают,
Золотые клёны в сером ноябре.

Мне в окно стучатся их сухие руки,
Ни о чем не просят, только — не жалеть,
И метель их листьев в безучастной скуке
От меня скрывает золотую смерть.

Вот она приходит, листья собирая,
И к другим уходит в дальние края.
Если так красиво клёны умирают, —
Как хотел бы клёном быть на свете я!

* * *

Что-то мне взгрустнулось в этот вечер —
Я зашёл в пустой и тёмный сад
Слушать, как поёт осенний ветер
И звенит усталый листопад.

Золотыми искрами мерцая,
Изредка сорвавшись и сверкнув,
Листики червонного металла
Падали на мокрую скамью...

Если б этот миг продлить на годы:
Призраки в одежде золотой,
И, взметая звонкие сугробы,
Звёздный ветер пел бы надо мной...

Вечно быть таким же одиноким,
Странные досматривать бы сны,
Что легки и пьяны, как наркотик,
Как цветы увядшие — грустны.

ОСЕНЬ

1

**Пускай говорят соседи,
Что много уходит дров,
И прозелень лунной меди
Растёт от сырых ветров.
В тревожный и мокрый вечер
Я снова окно открыл:
— Врывайся свободно, ветер,
Исполненный птичьих крыл!**

2

**На ветру взорвались флаги:
Ночь вошла в блестящий сад,
Сучья, звонкие, как шпаги,
Обнажает листопад.**

* * *

Напрасно твердят соседи,
Что больше выходит дров,
Что прозелень лунной меди
Растёт от сырых ветров;

Что слишком унылой нотой
Трубит ночной дымоход
И облачные длинноты
Скрывают от глаз восход.

— Не веря досужим сплетням,
Звенит за окном апрель,
В преддверии зноев летних,
В твоих бубенцах, капель!

И утро — свежо и ало,
И тянутся допоздна
Зелёным ростком вокзалов —
Весенние поезда.

А если брюзжат соседи,
Они не со зла — со сна!
Им очень легко ответить,
Но пусть говорит весна!

* * *

Клубок домов и ком заката —
И в море вянущей зари
У электрического ската
На сером теле — фонари.

Покой, безрадостный и поздний,
Сошёл в ночные города:
— Да будет ночь! — И тлеют звёзды,
— Да будет сон! — И ночь горда.

Осенний бред — в садах предснежья:
Литавры — золото — листва...
Но жизни нет, и нет надежды, —
Лишь тень горбатого моста.

Есть — будет — вечно — вечно — вечно —
Какие мёртвые слова!
Искусство — храмы — звёзды — свечи —
Её глаза — моря — овал —

Обвал ликующих бессмыслиц
И — Прометей — железный стон; —
Упав с отцовской колесницы,
Вчера
 Разбился
 Фазтон.

* * *

Клубок домов и ком заката —
На фоне бронзовой зари,
У электрического ската
На сером теле — фонари.

В дома, замученные астмой, —
Домой, сквозь холод мертвеца —
Галантной мышью Рихард Васми
Крадётся с чёрного крыльца.

Мои разбитые надежды —
Его упругие мяса:
Закат — покойные одежды —
Его ночные небеса.

Его чернильные кристаллы
Денатурируют весну.
— Спешి встречать её, усталый,
Не надо сна! Не верьте сну!

1954

ОСЕНЬ

1

Ночь застывала на чёрных лужах,
Вбитая в небо гвоздём луны,
Сад облетевший как будто простужен, —
Ветви в туман вметены.

Листья шуршат так странно, странно,
Холод гремющий в душу проник,
Тысячи слов, болящих, как рана,
Тщетно пытался промолвить язык.

Очень хотелось вспомнить что-то,
Или, быть может, всё забыть, —
В лунном саду — золотая дремота, —
Листья устали звенеть и жить.

2

Вы? Наконец-то! — Только поздно,
Вам не увидеть серую тень, —
Вам сквозь меня просветят звёзды,
Молча, неярко, — ведь скоро день.

Я не забыл Вас, нет, я очень,
Больше, чем прежде, Вас люблю,
Только мне странно поверить ночи, —
Что же случилось, скажите, молю.

Свет ли лунный навесил грёзы,
Сон ли горький тяжёл, как дым,
Что привело Вас под эти звёзды,
В место, любимое мной одним?

Просто взглянуть?
Понятно, —
Знакомый,
Старый поклонник, к тому же поэт...
— Здравствуйте, милая, будьте как дома.
Что Вам угодно? Автограф? Сонет?

Любите? — Знаю, мне мальчик этот
Очень знаком и очень мил, —
Вы говорите, он стал поэтом,
Пишет стихи, а про Вас забыл?

МАСКАРАД **(Каприччио Дворжака)**

**На шумный бал без маски
Явился Арлекин, —
Без грима и без маски —
Весёлый Арлекин!**

**Он звал меня в метели —
Уйти я не могла, —
Одни глаза синели,
Как два больших стекла.**

**И он согреть пытался
Застывшее лицо,
Слегка касаясь маски
Звонящим бубенцом.**

**Но я была стеклянной, —
И он ушел один,
Весёлый и желанный,
Отважный Арлекин.**

Декабрь 1952

ЛУННЫЕ ЗАЙЦЫ

Зелёным горячечным чадом
Вливалась в палату луна
И мальчика, спящего рядом,
Прозрачно змеившимся ядом
Неслышно одела она.

И в жёлтом бреду задыхаясь,
Я видел сквозь рваные сны,
Как Лунные зайцы спускались
К подушке моей со стены.

В их длинные, тёплые уши
Я спрятать лицо своё рад;
Они мне шептали: «Послушай,
Кругом золотой звездопад...» —

Они говорили: «Мой мальчик,
Тебя унесем мы с собой
В блестящие звёздные выюги,
В волнующий лунный прибой.

Тебя мы возьмём на рассвете
Туда, где в лиловой заре
Хвостатые бродят кометы
Меж звёзд в голубом серебре.

Там синие сполохи ярче
Играют звенящим лучом —
Летим же скорее, мой мальчик,
Не надо жалеть ни о чём».

Не придёт, но, может быть, приснится,
Так светла и так же далека,
А над ней взрываются зарницы,
Проплывают дымом облака.

Озорной и опьяневший ветер
Из садов темнеющих занёс
Лепестки невиданных соцветий
В шёлковое золото волос.

Но как только ночь придёт в больницу,
Я в бреду её не узнаю —
Девочку, которая мне снится,
Золотую звёздочку мою.

А она приходит осторожно
И садится рядом на кровать,
И так хочется ей сон тревожный
От упрямых глаз моих прогнать.

Собирает бережной рукою
Лепестки неконченных поэм
И полна бессильною тоскою,
И укор в глазах глубок и нем.

Плачет надо мной, совсем погибшим,
Сброшенным в бездарнейшую грусть,
А себе я снюсь бездомным нищим
И чему-то страшному смеюсь.

И всю ночь летят куда-то птицы,
И, не зная, как она близка,
Безнадёжно уронив ресницы,
Я зову её издалека.

* * *

Конечно, в лужах есть окошко
Сквозь землю в южный небосвод;
Не зря к нему приникла кошка —
Лакая небо — звёзды пьёт!

А рядом, чуть живой от жажды,
И я, — (боясь сойти с ума) —
(Любой бы сделал точно так же!)
Она подвинулась. Сама.

Внизу мяукнул изумлённо
Хвостатый, рыжий антипод:
Два зверя, полные солёным,
Лакали небо — я и кот!

Вот счастье! — Думать ночью поздней
О царствах мира, их тщете,
Когда безоблачная звёздность
В небесно-полном животе!

Любая лужа есть окошко,
Когда желающий забыть
Придёт к нему бродячей кошкой,
Лакая звёзды, небо пить!

ТИХАЯ ПЕСНЯ

Замолчали птицы, —
Значит, время спать.
Сон сомкнёт ресницы,
Сядет на кровать.

Ветер спит летучий.
Тихо из-за туч
Сонно и певуче
Смотрит звёздный луч.

Лунный зайчик тоже
Спит и видит сны,
Ходят осторожно
Только лишь часы.

Без конца и края,
В свой далекий путь,
Пусть себе шагают, —
Им нельзя уснуть.

Сон руками машет,
Сон других зовёт, —
Всё, что он покажет, —
Завтра оживёт.

2 февраля 1954

* * *

На смерть Е. Гайль

Девочка читала мемуары,
На руки головку положив,
Маленькое сердце замирало,
Сдавленное тяжестью чужих

Огненных страстей и преступлений,
Кровью, обогравшей алтари,
Перед ней рождались поколения,
Воздвигались боги и цари.

Вздрагивали худенькие плечи,
Слёзы набегали на глаза,
А в окне синел весенний вечер,
Грохотала первая гроза.

Загорались звёздные гирлянды,
И цветной гравюрой мнился сад... —
Девочка листала фолианты,
В пыльной коже, в дырах, без заплат.

Маленькая, глупая, больная,
Верила в поэзию, в талант,
Плакала над Гамлетом, роняя
Толстый и тяжёлый фолиант.

Вся была зажжённой кем-то свечкой.
Вся чужими жизнями жила...
Может быть, от этого под вечер
Незаметно, тихо умерла.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сестре Ленке

Стих давно трамвайный говор,
Ходят, бродят сны,
Ночь одела спящий город
В ласковую синь.

Осторожно улыбаясь,
Прыгнул на карниз
Хитрый-хитрый Лунный заяц,
Сел и смотрит вниз.

Открывать окно не надо,
Надо крепко спать —
Зайка сам придёт из сада
Что-то рассказать;

Золотистых-золотистых,
В капельках росы,
Принесёт холодных листьев,
Чудный сон приснит.

ТЕНИ

1. Уличные тени

**От лунного света,
Фонарного света —
Тени:
Волюты,
Спирали,
Тенета.**

2. Из окна

**Погаснут лампы —
Дрогнут тени —
И ночь обрушится в лицо
Колючей готикой видений —
Картечью битых леденцов.**

3. Моя тень

**На лестничных маршах
Вдоль красящих стен
— (Приветствуя двери: «Сезам!») —
Сорву со стены плоскомордую тень,
А лампы — по рыбьим глазам!**

**У тени и глаз — одинаковый звук.
От них под ногами — одно:
Как будто случайно раздавлен паук,
Как тающий студень — пятно.**

6-7 апреля 1957

NOCTURNO

(Воет собака)

<1>

— Что с тобою,
Что с тобой?
Ты не спишь.
Сон тревожит голубой,
Ветер с крыш?

В лунных окнах ничего,
Кроме звёзд.
Отчего же, отчего
Плачешь, пёс?

— Пёс полночный,
Пёс дрожит
Под рукой,
А из глаз тоска бежит
За тоской.

— Ночью льются в водоём
Ливни звёзд.
Так давай же выть вдвоём,
Скучный пёс.

2

На панели, у ворот
Талый снег,
На панели, у ворот —
Человек.
В подворотне был убит Человек.

Умирает звёздный луч
На снегу.
— Поживи, — ему кричу.
— Не могу, —
Отвечает звёздный луч:
— Не могу!

Голубой я, — говорят, —
Голубой,
Звёзды синие горят
Над тобой.

Мне не сделаться острей,
Не сгореть,
Мне бы к звёздочке-сестре
Улететь.

— Тоньше, тоньше — тонкий луч
На снегу.
— Подожди, — ему кричу, —
— Не могу, —
Отвечает тонкий луч:
— Не могу!

NOCTURNO I

**У Луны фарфоровые плечи
Под цветущим огненным зонтом,
И звезда, покинувшая вече,
К ним приникла посиневшим ртом.**

**— Как блуждают матовые руки
По шелкам туманных кимоно!
У Луны неведомою мукой
Тело золотистое полно...**

**— О, Луна! — Луна неосторожна.
В тихой страсти мертвенно-бела,
Вся дрожит серебряною дрожью,
Всё поют её колокола.**

* * *

В облаках летящим птицам
Прям и светел путь.
Опусти свои ресницы —
Время отдохнуть.
Над землёй, уставшей за день,
Тих простор небес.
Если нет душе отрады,
Я приду к тебе.
Буду тихо, осторожно
Над тобой склонясь,
Охранять от снов тревожных
До прихода дня.
Опусти скорей ресницы —
Время отдохнуть.
Лишь одним небесным птицам
Прям и светел путь.

А. Арефьеву

**Я люблю по следу ночи
С боем башенных часов
Пролететь со сворой гончих
Золотисто-рыжих псов.**

**— Слышишь? — В лунном бездорожье
Рвут копыта лошадей
Отупевшие от дрожи
Барабаны площадей, —**

**Пёстрый смерч ночной погони,
Ужас загнанных зверей,
Меловые миллионы
Легионов фонарей —**

**Пляшут тени-недотроги
В море света, море слёз,
Мёртвой хваткой у берлоги
В глотку ночи — красный пёс.**

**И кинжалы, как стрекозы —
Крылья высохшей руки, —
Над могилой ночи — розы,
Как собачьи языки.**

В рукописи зачёркнута последняя строфа:

**И рассвет идёт несмело
Холод старческий пролить
На трепещущее тело
Обесчещенной земли.**

* * *

Сегодня ярким золотом
Вся комната полна,
Как будто в ней расколоты
И солнце, и луна.

Как солнечные мячики,
По всем её углам
Толпу весёлых зайчиков
Бросают зеркала;

Везде блестят лучистые,
Светлы и горячи, —
Глаза, как небо, чистые,
И ушки — как лучи:

Летят в глаза иголками,
Сверкают под ногой,
Но только солнце — в облако,
Как нет ни одного.

* * *

Растревоженный вечером гулким,
Вереницами слов оплетён,
В снеговом забытии переулков
Я искал и моё забытьё.

Как и раньше, мой город прелестен,
Но в беде не сумеет помочь —
И мелодия будущей песни
Мне известна, как близкая ночь,

Что сиянием призрачным мучит.
Знаю, знаю: что скоро наскучит
И тебе эта песня и мне —
Можешь бросить листок, не читая,
Или сжечь на холодном огне
Полуночного лунного края.

* * *

**Звоном песен водосточных
Ночью улицы полны,
У тебя в глазах полночных
До утра — следы луны.**

**Кровью ржавого коралла
Я хмелён — и мне невмочь —
— «На закатных крыльях алых
Прилетела птица-ночь».**

10 апреля 1954

* * *

**Вечер безмолвный и поздний
В синие вышел края.
— Спи, — загораются звёзды, —
Светлая радость моя.**

**— Пусть осторожно и чутко
Сон твой хранят вечера —
Сбудется радостным утром
Всё, что хотелось вчера.**

**Меркнут закатные розы,
Мысли уносятся прочь, —
Самые светлые грёзы
Знает красавица-ночь.**

1 мая 1954

* * *

— С сердцем тёмным и ненастным
Я пришел к Вам, ювелир, —
В этом сердце, милый мастер,
Похоронен дивный мир.

— Глуше тёмных переулков,
Надоевшее давно,
В синем бархате шкатулки
Пусть лежит у Вас оно.

— А когда придёт к Вам, мастер,
Та, с тревожащим лицом,
Сердце, полное ненастья,
Вы оправьте ей в кольцо.

— Пусть она о том не знает,
Что не камнем дорогим —
Сердцем то кольцо сияет,
Ей подаренным другим.

В сером жемчуге несчастья —
Неразделенная жизнь.
— Эта шутка, милый мастер, —
Мой единственный каприз.

ВИЗИТ К ЛЮБИМОЙ В НОЧЬ ЛИСТОПАДА

На поду площадей щербатом
Недожаренный лунный блин.
— Еду в ночь на мосту горбатом —
Иноходце речных долин.

В полночь,
В мыслях о листопаде:
В узкий каменный коридор
Он пришёл в золотом наряде —
Безмятежный тореадор.

И навстречу стеклянный, старый,
С треском лопнул дверной пузырь:
Золотым обшлагом швейцары
Предлагают швейцарский сыр.

Обнажив голубую плесень,
Молча, падают этажи;
Спирохеты холодных лестниц,
Окон пёстрые витражи.

Майоликие встали звери —
Я бросаю в дубовый сон,
За железную челюсть двери
Электрический иней-звон.

Неожиданна эта встреча!
Никому не смогли помочь
Меловые осколки речи
И чугунная тумба-ночь.

Невозможной мечте о счастье
Умереть на пороге дня:
Да! — Она, как солнце, прекрасна.
Нет! — Она не любит меня.

* * *

Сегодня вечер горяч не в меру,
И сны сегодня тобой полны...
Опять Флоренция ждёт холеру,
Целует облак плечо луны.

И гибнут люди, а мы с тобою,
С друзьями вместе и без рабов,
Весёлой, пёстрой шумим толпою,
Читая сказки в долине По.

И будто ты сегодня — царица,
И мне велела начать рассказ
О том, что в мире больном творится,
А я исполнить не мог приказ.

И ты сказала: ну что ж! не надо, —
Давно добыча нужна гробам, —
И мне велела подсыпать яду
В вино послушным своим друзьям.

Тянулась туча, как чёрный вымпел,
Луна послушно несла свой крест,
Я знал об яде, но чашу выпил,
И был отравлен, и сон исчез.

* * *

Вечер, вечер,
В пятнах света —
Берег неба-океана,
— У тебя, лиловый вечер, —
Шапка белого тумана.

У тебя, мой вечер поздний,
Осторожные шаги,
У тебя глаза,
Как звёзды,
Брови — радуги-дуги.

— Вечер, вечер,
В пятнах света,
В шапке белого тумана,
Не твоё ль дыханье —
Ветер голубого океана?

НОКТЮРН

Солнце, упавшее в море,
Медленно гаснет на дне, —
Ночью фарфоровый город
Дремлет при полной луне.

Ты никогда и не знала,
Сколько томительных грёз
Будится в водах канала
Светом мерцающих звёзд.

— В каменной лунной долине
Ночью туманы легки, —
Тихо своей Коломбине
Лунный поёт Арлекин.

Май 1954

* * *

Снег на крышах белеет,
Ночь над ним лиловеет,
Плачет небо и падают звёзды,
Плачет песня, жалея,
Что струна тяжелеет,
— Песня, песня, не плачь, моя песня!

Слёзы падали в дали —
В голубой от печали
Лунный сумрак над зеленью зыбкой, —
Но... напрасно рыдали:
Не пришёл Страдивари,
Не утешил тоскующей скрипкой.

Напрягаются песни-струны,
Наливается плачем скрипка —
Лунной медью, печалью лунной
Водит вечер по пальцам гибким.
Напрягаются песни-струны.

НОКТЮРН

Дымный вечер закатом изранен.
Вместе с ночью приходит тоска;
Снова город, одетый туманом, —
Золотой электрический скат.

В переулках, изученных мною,
Словно формулы школьных таблиц,
Слился сон с отсыревшей стеною,
То взлетая, то падая ниц.

И любимая, тяжело больная
Сторона привлекает меня
Не рассветом «грядущего рая»,
Но печалью прошедшего дня, —

Дня, в котором так длинны минуты,
Так безрадостно тёмны часы,
Как тяжёлые, бурые трутни,
Что погибли от жала осы.

Но, погибнув, растаяв в минувшем,
Будто феникс в букете огней,
Говорят о навеки уснувшем,
Возрождаясь в светающем дне;

Будто горе — лишь сон скоротечный,
Будто мёртвые живы друзья —
И от яда облатки аптечной
Будто в космос проникнуть нельзя.

* * *

Как жёлтый глаз огромной птицы,
Добычу видя впереди,
В поникших листьях, как в ресницах,
Луна сквозь дерево глядит.

Напрасно, ангел неумелый,
Стараться муки облегчить,
Когда, как огненные стрелы,
Пронзают лунные лучи.

Они за давнюю обиду
Несут заслуженную месть, —
Сегодня хочет тёмный идол
Вернуть потерянную честь.

И ты стараешься напрасно
Меня на встречу не пустить:
Сразив меня в бою ужасном,
Быть может, он тебя простит.

* * *

Я ли знал тебя такою
Или всё придумал сам,
Но безумною тоскою
Ты была моим глазам.

В час, когда ложились росы,
Синим пламенем горя,
У тебя в тяжёлых косах
Звёзды были, говорят.

Говорят, что вовсе небыль —
Встречи на земле:
Будто ты, оставив небо,
Не придёшь в вечерней мгле.

— О, закатная Россия,
Бред мой давний голубой,
От меня ли ты красива
Или я живу тобой?

* * *

**У неловко остриженной кроны —
Абордажные крючья-суки:
Меднорыжие, с шерстью зелёной
В смертной битве сошлись пауки.**

**И трубач ни о чём не жалеет, —
Лунный рог — беззаботный сигнал:
— Будет ночь! — облака, тяжелея,
Улеглись в маслянистый канал.**

КОЛОКОЛЬНАЯ НОЧЬ

Так не крадутся воры —
Звонкий ступает конь!
В небо возносит город
Каменную ладонь,

Сдвинув сырые груди,
Крыши склонив ко сну:
Талая ночь, безлюдье, —
В городе ждут весну.

Вывинтив мясорубкой
В небо — распятый фиг! —
Висельник в медной юбке
Тёмный хранил язык!

Колокол медным платьем
Тёмное брюхо крыл,
Славу своих собратьев —
В плеск голубиных крыл!

— Эй, рассыпайтесь, горы,
В гром колокольных бронь!
Так не крадутся воры —
Звонкий ступает конь!

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ НОЧИ

**Когда тоскою предвечерья
Я залит, душу погубя, —
Целую огненные перья,
Зову тебя и жду тебя.**

**И мнится: мир наполнен ядом,
Но всё на свете прощено,
И всё твоим безлунным взглядом
Во имя мглы освящено:**

**Она близка и всё погибло.
Заря — о прожитом рассказ,
Но есть мерцающие иглы
В глуби твоих огромных глаз.**

**И верю я: не надо света —
Без солнца гибнет слабый враг, —
Хочу склониться безответно,
Заслышав твой неспешный шаг.**

PASACALLE

Ночь легионы снов выводила,
Ночь приносила петь
Медное било —
Тяжёлое било —
Лун колокольную медь.

Каменный город,
Дно океана,
Красные зори,
Синие раны, —
Спящих баюкает ветер,
Ветер за спящих в ответе.

В пугвицах ночи
Звёзд перламутры,
Ветер хохочет — близится утро!
— Падают листья —
Шорох оваций —
Жёлтые листья галлюцинаций.

НОЧНАЯ ПЕСНЬ

По тучам, по звёздам в остывший закат
Вечерние птицы летят,
А городом, вставшим по пояс в луне,
Косматая полночь на чёрном коне
Едет. Едет. Едет.

Где дремлют сады, ожидая весну,
Где вечер их клонит ко сну, —
По звонкому холоду каменных плит
Не искры, не искры летят от копыт —
Звёзды. Звёзды. Звёзды.

По лунному городу полночь спешит —
И лунный в руках её щит.
И, глядя в него, засыпают дома,
И, к ним наклоняясь, уснула сама
Полночь. Полночь. Полночь.

* * *

Горбатый мост с провисшим проводом
Как прежде был в конце прогулки,
И так же небо дышит холодом,
И звёзды льются в переулки.

Но никогда мне не забудется
Тревожный вечер в октябре —
Я знал: сегодня что-то сбудется!
Неясно — что, неважно — где...

Всё было так же: тень от дерева,
Фонарь качался, не спеша,
И листья мокрые и серые,
С деревьев падали, шурша.

Я слушал город затихающий,
Смотрел в объятьях темноты,
Как шли на лунные ристалища
По саду чёрные коты.

ВЕЧЕР

День уходит, как тореро, —
(Белый плащ над синим миром),
Незадачливый тореро! —
Он в бою сломал рапиру.

А мощёная арена
Звёздной полнится кадрилию:
На губах у ночи — пена,
В чёрной шее — бандерильи.

— Умирающий воитель,
Брось кровавую мулету, —
Пусть владеет победитель
Целым светом, чёрным светом!

ИЗ ДЕТСКИХ СНОВ

Лампа погасла в смертельной зевоте,
Лучик нырнул в темноту:
С камня на камень, с камня — в ворота,
Окнам смеясь на лету.

С камня на камень, с камня на камень —
Пятый этаж... огонёк...
Серенький мальчик — ночью, без мамы —
В жарком бреде изнемог.

Люди заснули в доме громадном,
Тикать устали часы,
Кухонный кот подбирается — жадный, —
Лижет большие усы.

Мягкие лапы, светится пламень
В злых и блудливых глазах...
С камня на камень, с камня на камень, —
Стукнули зубы в усах.

С камня на камень, с камня на камень, —
Крошку никто не спасет:
Бедная мама, глупая мама
Ночью ушла на завод.

— Съем, как мышонка, съем, как лягушку,
Мальчику в ухо сказал...
С камня на камень — прыг на подушку! —
Тоненький лучик упал.

С камня на камень — ну-ка попробуй!
Скрипнула форточка: «Кр-р-рак!»
— Прочь поскорей, подобру-поздорову,
С камня на камень. — Дурак!

**Лучик сердитый, лучик весёлый, —
Лучику надо гулять:
С камня на камень, с камня на камень,
С камня на камень опять.**

18 февраля 1953

ДОМ ПОВЕШЕННОГО

Памяти В. А. Преловского

**В целом мире не сыщешь белее ночей,
Мостовых не найдёшь горячей,
А в ночи безотрадной домов не найти,
Перевитых в ночные пути.**

**В этом доме, лишь гаснет кровавый закат, —
Осторожные тени стучат.
Там луна серебрит потолков высоту,
Там оправлен кошмар в белизну паспарту,
Там насмешливо ангел глядит из угла,
И под пылью — тоска залегла.**

**В эти чёрные окна, лишь гаснет заря,
Наливается свет фонаря,
А в пустой тишине — запоздалый трамвай
Да собачий серебряный лай.**

**Там — томление белых июньских ночей,
Словно свет навсегда потускневших очей:
В этом доме, из мрака воспрянувшем вдруг,
В этом доме повесился друг.**

**Этот дом надо мной, как печальный маяк:
Там канал, как большая змея,
Извивается в камень одетой струёй
И блестящей звенит чешуёй.**

30 марта 1954

Затихает...
Устало чудовище!..
И бессвязно бормочет во сне
О своём потаённом сокровище —
О Великой Мещанской Весне.

Наступил, с перегнившим дыханием,
Вислогубый и потненький час,
В конвульсивном ночном содрогании
Мерно булькает выпитый квас...

— Всё в порядке...
— Пойдите! А девочка?
(покачнулся сомкнувшийся мост),
Затрещал телефон — и с издёвочкой:
— Утонул человек. Это пост?

.....

Трупик стыл на камнях серебристых,
Далеко-далеко от людей —
Детский профиль, холодный и чистый,
Всплески ветра на невской воде.

Заметался по улицам, лужам
Полный дикого ужаса, крик,
Запуская в притихшую душу
Тепловатый паучий язык...

И не вздрогнуло небо холодное,
Лишь бесшумно сомкнулась вода...
— Моя милая деточка... Гордая...
Кто обидел тебя навсегда?

— Может быть, ты увидеть сумела
То, что скрыто улыбкой друзей,
То — чему нет на свете предела,
То — чего нет на свете грязней?

Или в сказке концертного зала,
Одиноко застыв среди «тех»,
Сквозь торжественный грохот хорала
Ты слышала пошленький смех?

* * *

— Чем я пьян? —
Какой-то лаской,
Блеском огненных очей,
Небывало-странной пляской
В снах сиреневых ночей.

В упоении бездонном
С жутким смехом всё сотру,
Страшно-чёрной беладонной
Расцветая поутру.

КАНОН

**Как высоко вы, о звёзды, горите!
Светом холодным.
Вечно о чём-то своём говорите,
Вечно свободны!**

**Нашим заботам и нашим печалям —
Нашей тревоге —
В недостижимые ясные дали
Нет и дороги.**

**В долгую ночь не дожидаться рассвета
Что вам за горе!
Вас окружило серебряным светом
Вечное море...**

**Птицы разносят тревожные песни —
Весть непогоды.
Вам ли услышать? — Сияйте чудесно
Годы и годы!**

ВЕЧЕР. ГОРЬ НА МОСТУ

**Пятен оконных
Цвет малярный —
Отблеск лимонный
В чёрных перилах.**

**Белая выюга...
— Тихая вата
Кроет восходы,
Кроет закаты.**

**— Вечер трамвайный —
Люди и рельсы —
Что нам до Индии,
Если есть Пенза?**

* * *

Весенний минуется праздник —
И снова в дремоте ночной
Я полон певучей боязни
За город, построенный мной:

Качаются стройные башни
На небе полночной поры,
И кровью закатов вчерашних
Наполнились тёмные рвы.

— Колеблется призрачный город,
Как синие тени в саду...
В мерцающем лунном узор
Я жду до рассвета беду.

ШАГИ И ОКНА

В зеркале окон
Утром и вечером
Бьются и никнут
Шаги человечьи.

В льющейся с неба
Синь-высоте
Окна подобны
Дум чистоте.

Падают звёзды
Вьюгою снежной
В стёкла мороза, —
В росписи нежной.

Вечером поздним
В угол медвежий
Падают слёзы —
Звёздный подснежник.

Лунные свечи
Мечутся в окнах,
Шаг человеческий —
Россыпью — в стёкл

* * *

Навзничь падают тени.
Предметы остались нагими.
Этот город — корабль, над которым
Сомкнулась вода.
Как тенета, дороги лежат под ногами,
А совсем не идут —
— О, ночные пути в никуда!

ПЕСНЯ

**Отсталая птица летела,
Последние силы храня...
Усталая птица
 летела
Навстречу весеннего дня.
Летела!
Летела!
Летела!**

Цвели золотые зарницы —
От них далека-далека —
Усталая тёмная птица
Брела в снеговых облаках.

Протяжная песня звенела...
Тоскуя о милых лесах —
Печальная птица летела
В печальных чужих небесах.
Летела!
Летела!
Летела!..
Усталая птица летела.

2 ноября 1955

* * *

Пальто, забрызганное ночью,
Тяжёлый, мокрый воротник...
Лиловой тучей оторочен,
Рассвет за крышами поник.

Одно лицо простудным жаром
Горит, когда потухло всё,
Когда на улицах кошмары
Ревут, как бешеный осёл.

Когда темней, чем блеск стекольный,
Одна мечта всегда светла:
Идти к Никольской колокольне
И, молча, бить в колокола...

Пуškai в ушах — дыра сквозная,
Пусть каждый дом — насквозь пробит!
— За что? — За всё!
— Зачем? — Не знаю,
Но только бить, и бить, и бить!

* * *

**Громадные, громко молчат небеса,
Восходит звезда за звездой.
Для рифмы, конечно, я выдумал сам
Твой жалобный крик, козодой!**

**Печальная шутка: в ночной синеве
Серебряный — очерк лица,
И (только для рифмы!)
На черной траве — тяжёлый живот мертвеца?**

**Но что не для рифмы! Оборванный сон?
Луны серповидный обрез?
Бетонный колодец — дворовый кессон?
Кессонная злая болезнь?**

**— Идущие к дому!
Бегущие прочь,
Не надо на рифмы пенять! —
На ваших кроватях — костлявая ночь —
Матёрая, потная блядь!**

23 сентября 1955

* * *

Цвет свернувшейся крови — флаги.
Звёздное (небо ли?) — решето.
Небо — обёрточная бумага,
Небо обветренное — желто.

Полон мир электрической желчи;
Этот металл для зубов — луна.
Этот, светлее трамвайной мелочи,
Город — (Люстра-полис) — страна.

Моторы (синхронные и асинхронные).
Тысячеваттный поспел виноград.
Это — смеющийся над влюбленными —
Питер — Петер — и Ленин — град.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Лунный колокол бьёт неумолчно,
И в урочные видно часы,
Как танцует под куполом ночи
Золотой колокольный язык.

До зари от протяжного звона
Обезумевший ветер кричит,
Что на небо приклеен червонец
Или бронзовый греческий щит.

И при розовом блеске зарницы
Булавами изогнутых шей
Бьют громадные медные птицы
В барабаны оглохших ушей.

Май 1954

(Звон колоколов Никольского собора)

ЦАРЬ-ХОХОТ

Ночь — веселью не помеха,
За окном метель хохочет:
— Станем рыцарями смеха,
Собирайтесь все, кто хочет!

В парусах металось Эхо:
— Возносите в небо мачты!
Тонут сны в сугробах смеха,
— Смех — приюту новобрачных!

У любви — постельной крохи —
Тьма свела истомой крылья,
А во тьме кривится Хохот
В большеротом косокрыльи.

За окном метель хохочет
(Ночь — веселью не помеха):
— Собирайтесь все, кто хочет,
Станем Рыцарями Смеха!

15 января 1954

* * *

**Вместо ночи — безвременье,
В небе — вата и мгла,
Я умею, как древние,
Волховать до утра.**

**— Не восстать над кошмарами!
Бойся знать и судить, —
Волхования старые
Уведут от беды.**

ЕСЛИ НЕ ПРИШЛА НОЧЬ

**Если ночь не приходит,
Вечерней не будет зари, —
Испугали её фонари, —
Если ночь не приходит.**

**Беззакатно заплачет весна,
На столе, на окне у меня, —
И не будет поющего сна,
И ни ночи не будет, ни дня.**

**Только белый серебряный звон,
Как трамвайная песня легка...
И придёт ископаемый слон,
Как мулету, неся облака.**

* * *

**Мы — под пробкой
В домах-ретортах:
— Хочешь — плавься,
А хочешь — спи!
С лунным рогом —
Чернее чёрта —
Небо взмыленное сопит.**

**Март окончен — кошачьи кланы
В ночь бежали, подняв хвосты.
Мыты мётлами урагана,
Листья крыш — пусты!**

**С лунным рогом, чернее чёрта,
Полночь бесится и хрипит:
Если душно в домах-ретортах,
Хочешь — плавься, а хочешь — спи!**

1955

Облака, облака... за окошком,
Распухая на западе алом,
Проплывают, как дохлые кошки,
В плесневеющей флегме каналов...

Среди белых, пятнистых и рыжих
Полусгнивших линияющих шкурок
Закатился за дальние крыши
Догорающий вечер-окуроч.

Ископаемым городом-лесом,
Мезозоем, обуглившем воздух,
Задумало в болотном компрессе
Наши песни об утренних звёздах.

И о небе, смелее и лучше
Заставляющем с ветренной выси
Кувыркаться багровые тучи,
Как больших окровавленных рысей,

Чтобы утром сияющей стаей
Ты могла собирать их у окон
И дарить снеговым горностаям
Золотой ионический локоп.

А теперь даже мокрые ветры,
Словно вымерли в городе хмуром:
Облака.
Облака беспросветны; только шкуры, —
раздутые шкуры.

Только ждём, не вернутся ли птицы,
И сидим, розовея макушкой,
У окна; — так сидят у бойницы
Вислозады медные пушки.

* * *

**Мы терпением набиты,
Молчаливы до поры,
Будто крысы неолита
В свалке каменных корыт.**

**В сердце — холод,
В мыслях — ступор,
Нет девиза на щите...
Наверху — домов уступы,
Снизу — ступы площадей.**

**— Встанешь? Крикнешь? —
— Лишь захочешь —
Как орешья скорлупа,
Под пестом чугунной ночи
Разлетятся черепа.**

**Не раздуть в гремучий пламень
Угли тлеющей зари!
Мы живём, вгрызаясь в камень,
Извиваясь, как угри —**

**Словно крысы неолита
В свалке каменных корыт
Так терпением набиты,
Молчаливы до поры!**

Шале

— Гость тревожный, безмолвный и серый,
Кто ты, сумрачный гость? отвечай!
Пробираясь в закрытые двери,
Что ты ищешь у нас по ночам?

Кто ты, знающий тайные думы?
Как ты смеешь без спроса входить?
Отвечай, посетитель угрюмый,
Только дочку, смотри, не буди.

— Я холодный полуночный ветер
И повсюду свободно лечу,
Всё я вижу, всё знаю на свете,
А вхожу, потому что хочу!

— Тише, тише, пришелец незванный,
Осторожней со мной говори, —
Чудный сон про счастливые страны
Снится дочке с вечерней зари.

У нее от улыбки ресницы
Золотому подобны лучу,
Тише, тише...
— А что мне таиться,
Говорю, как хочу!

Тем, кто вольно гуляет по свету,
Не посмеет никто запретить!

Будь же счастлив,
Гуляй себе, ветер,
Наша девочка спит...

* * *

Ночь лелеет кафедры!
Площадь стыла.
Площадь спала.
Ночь лелеет кафедры!
Лысый мамонт — кафедрал.

* * *

Хрупкая стеклянная солома —
Сноп дождя над серой крышей дома!
Меркли звёзды, близились зоря —
Для неё ковали метрономы
Белые цепочки серебра.

Таяло,
Морозило;
Увяло неба неостывшее литьё, —
Вечер, догорая над каналом,
Медленно впадает в забытьё.

Гаснут волны в отблесках оконных,
Превращаясь в тёмное стекло, —
— Сколько лодок вы качали, волны?
Сколько туч над вами пронеслось? —

Сколько звёзд сегодня распустилось
На багряном стяге облаков?
— Сколько мыслей в мире зародилось?
Сколько новых выросло цветов?

Кто сочтёт?.. И ни к чему всё это!
Ведь цветы для счёта не цветут.
Город спит — его морские ветры
Мокрыми метёлками метут.

20 марта 1954

* * *

Свежесть ветра не напомним губы,
Звёздочки — глаза,
— Пойте, пойте, водостоки-трубы,
Крыша-стрекоза!

Мчитесь, мысли! Я не знаю лени,
Вспоминая разные слова,
Прихотливо, как в рогах оленьих,
Мыслями ветвится голова.

Я сегодня сбрасываю путы.
Я король! — В моей лепёшке боб!
Чей-то локон бронзовой волютой
Падает на лоб...

Духота в моём старинном хлеве,
Кто-то битый стонет за стеной,
До утра бобовой королеве
Спать одной!

Пусть ей ветер поцелует губы,
Высушит глаза,
— Пойте, пойте, водостоки-трубы,
Крыша-стрекоза!

* * *

Бьют часы.
Часы и половины —
Вечный страх разящих мимо стрел.
День прошёл тяжёлым исполином,
Жёлтый пепел вечера сгорел.

Дырами небесных подворотен,
Лысые, поднялись купола,
И трамвай на дальнем повороте
Прозвенел, как старая пила, —
— Бьют часы!

Полёт луны шафранной,
Одиноким, сдерживать не нам!
В шкуре лунной — шкуре барабанной
Не остаться нашим письмам.

За окном, закованным в железо,
Где замок тугой, как самострел,
Бродит страх, безрадостный, как бездна,
Вечный страх разящих мимо стрел.

27 октября 1958

* * *

**Я был осторожным и серым
Булыжником улиц кривых,
И, дни принимая на веру,
К их звонкому шагу привык.**

**Как свечи огромного храма,
Мерцая в пустой тишине,
Горели безмолвно и прямо
Созвездия мыслей во мне.**

**И были привычные думы
Как в ловких руках бумеранг,
Чертивший пору полнолуний
Закатами солнечных ран.**

**Но вестником дальнего горя,
Одетым в сверкающий лёд,
В привычные звёздные хоры
Твой яркий ворвался полёт.**

**И песне грустить недопетой,
Блуждая в чужих голосах, —
— Зачем появилась комета
На тихих моих небесах?**

1954

* * *

Весенние ветры
Проснулись в лесу,
Я розу рассвета
Тебе принесу, —

Огромную розу
Весёлой весны, —
В ней яркие звёзды
Холодной росы:

За утренним морем,
Где синяя мгла,
Как вешние зори,
Она расцвела.

— Вставай, чтобы вместе
Встретить зарю, —
Я алую розу
Тебе подарю.

* * *

Луна всё выше и бледней, —
Заря близка,
Легка печаль весенних дней,
Печаль легка.

О чем она? — Не знаю я.
О чем она?
— Скажи мне ты, весна моя,
Моя весна.

Блестит, горит в цветах роса
И там и тут.
Но для меня твои глаза
Одни цветут:

У моря синего на дне
Нашел их я,
Ты радость утренних огней —
Печаль моя.

* * *

Но в небе огромные розы
Цветут, поднимаясь от сна,
Блестящие выпали росы,
И верю: вернётся весна.

Пусть плачут промокшие галки,
Увидишь, настанет тот час:
Как будто ночные фиалки,
Распустятся звёзды для нас.

За морем проснутся зарницы,
Растопят стеклянные льды,
И ветер, как синяя птица,
Ворвётся в сырые сады.

Блестящие выпали росы.
И верно: вернётся весна —
Я самые алые розы
Увижу в твоих волосах.

БЕЛАЯ НОЧЬ

**На звонких улицах — тепло,
И город посинел,
Как будто был облит стеклом
И в нём окаменел.**

**И до утра мои пути —
Хрустальная река —
Зовут меня к тебе придти
В вечерних облаках;**

**Как будто те ожили дни:
Твоя открыта дверь, —
И всё, что было до весны,
Забудется теперь.**

* * *

**Вы так медлительны с ответом,
А я так верен клятве ждать,
Что всякий раз перед рассветом
Один ложусь в свою кровать.**

**Я знаю, выдадут по злобе,
Меня желая очернить,
Святую к верности способность
За неспособность изменить.**

**Всё ложь — тому порукой ветер!
Он знает, милая моя,
Что первый ветреник на свете
Из всех живущих — это я.**

* * *

Как сотни раз, опять у Вас
В глазах я вижу слёзы,
И Вы хотите в сотый раз
Поговорить серьёзно.

— Ну что же, милая моя,
Готов я слушать вечно, —
Пусть ветрен я, пусть гадок я,
Но я не бессердечен.

И я клянусь и светом дня,
И мраком тёмной ночи:
«Кто любит более меня,
Тот вряд ли жить захочет».

* * *

Помнишь, ты приходила ко мне,
И снежинки в твоих волосах
Были ярче чудесных камней,
Ярче звёзд загорались глаза.

Помнишь, ты приходила ко мне,
За окном затихала пурга,
И мерцали в волшебном огне
На синеющих крышах снега.

Как любили остаться одни,
Как мечтали, что счастье придёт...
А теперь за окошком моим
Только зимняя выюга поёт.

И живу я надеждой одной,
Что недолгою будет беда:
Ты придёшь — и твой голос родной
Скажет мне, что теперь — навсегда!

* * *

Наверное, понял я сразу,
Когда, как сорвавшийся стон,
Хрустальными брызгами вазы
Разбился тоскующий сон.

Что ты полюбила другого,
И, — только жалея меня, —
Звенящее бросила слово
В закат отцветавшего дня.

Как будто ребёнку больному,
Готовому броситься в плач,
За каждую ложку бульона
То гномика дарят, то мяч.

Но день, как монета, истёртый
И тусклый, не смог я забыть:
Рождённый любить терракоты,
Я мрамор посмел полюбить.

17 апреля 1954

* * *

**Ты совсем такая же, как прежде, —
Как мечта привычная, легка,
И летят края твоей одежды
Крыльями большого мотылька.**

**И опять цветами белой ночи
Рассыпая звёздные огни,
Голубой китайский колокольчик
В небесах фарфоровых звенит,**

**Где рассвет, склоняющий знамена
К облакам из розовых снегов,
Как поэт, коленопреклоненный
Возле ног возлюбленной его.**

8 мая 1954

* * *

Ты сегодня как звёздочка снежная
Или роза, упавшая в кровь, —
Осторожная, бледная, нежная...
И я знаю: проходит любовь.

Но ты думаешь в это мгновение, —
Предо мною, как утро, чиста, —
Будто ты для меня — неизменная.
Но соскучился я и устал.

И тревожно, как ночь эта белая,
Мной измятое, платье шуршит —
— О, запомни надежды несмелые
Уходящей в былое души.

Нет, чуть солнце, взойдя над балконами,
Искупается в синих ветрах,
Ты не вспомнишь, уже непреклонная,
Свой недавний мучительный страх.

13 мая 1954

* * *

Приходящая в день настоящий,
Не бывала так чудно ясна,
Королева снежинок блестящих
Или фея из детского сна.

Вспоминая о сказочном чуде,
Мне не верить ли в бред голубой,
Увидав, что какие-то люди
Говорили спокойно с тобой?

И решив, что сбываются сказки,
Я понять одного лишь не мог, —
Почему задремавший от ласки
Твой оранжевый кот — без сапог.

1 июня 1954

ПОМНЮ...

А. Б.

**Всё изукрашено росами:
Сосны, терраса и ты;
Ночь от туманов белёсая,
Волосы, руки, цветы.**

**Жёлтые фары автобуса,
Синий асфальт автострад,
Взгляды игрушечней глобуса —
Я уезжаю — и... рад!**

**Рад, что не любишь, а ласковой,
Сказочной стала на вид,
Рад, что шутливой гримаскою
Скроешь усталость и стыд.**

28 марта 1953, Сестрорецк

* * *

**Платье вымокло в тумане,
А в глазах — следы луны.
Только сердце не обманет:
Не луной глаза полны, —**

**В час, когда ложатся росы
И на свете мы одни,
Как цветы ночных растений,
Раскрываются они.**

* * *

Я не боюсь показаться странным,
Странен, мне кажется, тот, кто, любя,
Тысячи слов, болящих, как рана,
В звучный сонет не сложил для тебя.

Или он прав, и не в этом счастье?
Или, быть может, возлюбленный твой
Должен не тратить слов понапрасну,
Как настоящий герой?

Или душа моего кумира —
Только лишь копия с нашего мира:
Мира, в котором один — чтобы петь,
Тот — открывать чудеса мирозданий,
Третий — иными делами греметь:
В общем — творить сообразно с призванием.

Звёздами далёкими играли
Ветерки в саду твоих ресниц,
Снова звуки белого рояля
За окошком испугали птиц.

И опять сказать мне захотелось,
Что тобой измучен я и пьян, —
Звонкие осколки кампанеллы
Уронив в вечерний океан.

Жаль, прозрачный незнакомый танец
Для тебя не мной написан был:
Полубог, скрипач и итальянец,
Никого на свете не любил.

Он пугал презрительной улыбкой
Женщин, преклонявшихся пред ним,
И ему признательная скрипка
Радужные сеяла огни.

А моя заброшенная муза
Верности не знала никогда,
И за это стих прескучный грузен,
И за то я плачу иногда.

Я грущу, но что тебе за дело?
Ты светла, тебе чужда печаль, —
Колокольчик быстрой кампанеллы
Звонок, как надтреснутый хрусталь.

* * *

Не первый я люблю на свете,
Не первый слышу я в ответ,
Что может девушка ответить
На посвященный ей сонет.

Ей стих размеренный приятен,
Певуч, изыскан и остёр,
Но точно так же непонятен,
Как мне — языческий костёр.

И знаю я: ещё не скоро
Увидит милая во сне,
Каким мучительным укором
Богаты песни о весне.

Но о минувшем вспомнив лете,
Она прочтет созвучья эти.

Июнь 1953

* * *

На каменном дне океана
Вдали от знакомых людей,
Не знал я, залитый туманом
В тарелках ночных площадей,

Что скука моих одиночеств,
Испепелив сердце моё,
Ещё смертоносней отточит
Твоё золотое копье.

Не знал я, тебе не поверив,
Своей непокорный судьбе,
Что иней на звонких деревьях
Лишь слёзы мои о тебе,

Что, спутницы тёмной печали,
Тобою лишь песни звучали.

30 июня 1953

* * *

Весна на улице давно,
И солнце по утрам
Звенит лучом в моё окно,
Открытое ветрам.

Глазами солнечных зеркал
Весь город освещён,
И голова моя — бокал,
Невыпитый ещё.

И я отныне — навсегда
Пою лишь об одном,
О том, как плещется вода,
Синея под окном,

И что стеклянная река,
Как колокол, звонка.

Апрель 1954

* * *

1

**Моя любовь прекрасней медных амфор.
(Вся скорбь земли не превзойдёт моей!)
Изнемогла под тяжестью метафор
И гнётом превосходных степеней.**

**Торжественная скука песнопений
Музейной рамой тяжко налегла —
Моя любовь померкла от сравнений,
Как от туманов меркнул зеркала.**

2

**В глубинах прозрачного взора
Хрустальная нота молчит —
Таковыми бывают озёра
На Севере,
В летней ночи...
Две ноты над озером зыбким:
Я пел только радость и страх,
Подобно тоскующей скрипке
В её неумелых руках.**

* * *

**Я в цветок тебя превращу,
— Хочешь? — Смотри.
— Видишь? Уже не струны
Волосы твои, —
(Волосы — струны — листья...)**

**Глаза уже не озёра —
Долины, полянки, —
Хочешь, в них расцветут
Ночные фиалки?**

**Руки уже не крылья —
Стебли —
Качаясь,
Белым стихом ладони
Их расцветают.**

**Ты не жалея,
Я не жалею, —
Белый цветок
Утро согреет...**

12 июня 1954

* * *

**С невозможной мечтой о счастье
Я стою на пороге дня,
Где она, как солнце, прекрасна,
Но она... не любит меня.**

**Пусть мечтами ритмов могучих
Мне весь мир легко покорить —
За бесценный жемчуг созвучий
Лишь её одну не купить.**

**О, суровы любви законы!
Изменить мне их не дано —
За оградой её балкона,
Знаю, мне умереть суждено.**

* * *

Как прекрасны сады, умирая!
Только птицы там гнёзд не совьют, —
Там усталые ветры летают
И холодные песни поют:

Что любви не бывать без предела,
Без конца — никогда не бывать,
Что она никогда не умела,
Умирая, на помощь не звать...

Ах, когда бы она уходила
При расцвете своей красоты, —
Как бы смог я не помнить о милой! —
Только это не знала бы ты...

* * *

**Я прошу лишь одного
У звезды моей далёкой:
Мне не надо ничего,
Кроме сумерек глубоких;**

**Кроме сонного канала
С осторожным скрипом дверцы;
Кроме той, что подобрала
Чуть трепещущее сердце.**

* * *

**Любовь. Легенда. Мелодрама.
Несчастней всех кавдорский тан.
Острее всех ехидный Брама,
Нежней — тоскующий Тристан.**

**Любовь мертва, она несчастна.
Была — несчастна и жива,
Легка, стыдлива и прекрасна,
И непонятна, как слова.**

**Она — Валькирия, Лаура,
Сирена. Облако. Цветы.
Она мертва. Приходишь ты —
Умней блистательного Мура.**

8 июля 1954

* * *

**О тебе тосковать мне отратно,
Только знаю, и знаю давно:
Душу Индии с телом Эллады
Сочетать никому не дано.**

**Дымно-белой метельной землею
Стонет звёздное золото выюг, —
Не души меня смуглой петлею
Из прохладно-тоскующих рук.**

**Неужели в беззвёздной дороге
Метеором тревожным гореть
Суждено ироническим Богом,
Чтоб в объятьях твоих умереть?**

СТИХИ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Если день встаёт над миром,
Тишину гудком встревожив,
Я могу сказать любимой:
— В мире нет тебя дороже.

— У тебя в глазах рассветный
К облакам взнесённый город.
Я люблю. Поёт мне ветер
О тебе, влюблённой в город.

Но когда б мне предложили
Лишь с тобой вдвоём остаться,
В целом мире, лунном мире
Не нашлось бы нас несчастней.

Потому что только в этом
Дне, как солнце, раскалённом
Я умею быть поэтом
И героем, и влюблённым.

* * *

Как два клинка, скрестились взоры,
Сгорела искра, как слеза...
— О, предрассветные озёра —
Твои тревожные глаза!
Моя шагреневая кожа —
Румянец милого лица —
Увяло (это ли тревожит?)
Цветком в руках у торговца —
Но — сын и внук распявших Бога —
 Не призову его в беде,
 И другу — жизнь,
 И смерть — тревоге
 Найду в стихах — живой воде.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Улетает солнечная птица,
Бросив ветру пепел облаков.
Полночь мая — белая синица,
Майский город — храм без потолков.

— Отцвести, как яблоко, и мне бы,
Улететь, куда глядят глаза,
Раз упала — брошенная небом —
Золотоволосая звезда!

Раз она хотела быть холодной,
На луну предутренних озёр
— Вой, поэт! Ты тоже — пёс голодный! —
В брюхе — лёд, а в голове — костёр!

1954

БЕЛАЯ НОЧЬ

**Чуть небо становится блёклым,
И тени на крыши сойдут, —
Каналы, как тёмные стёкла,
В объятиях город сожмут.**

**И бродит над куполом ночи
Луна голубая, тиха,
Как будто невеста, и хочет
Найти своего жениха.**

Июнь 1954

Ночь окончила половину,
И опять похожа луна
На голубого дельфина
И голый лоб валуна.

Уже лиловели листья,
Как листья библиотек, —
И город был аметистом
В оправе из серых рек.

Был дом нелепой окраски,
Я спал у него внутри
И видел детскую сказку
Об алом цветке зари:

Что море звезду качало,
И след её был — дугой,
Что где-то струна звучала,
И лук её был тугой,

Что лопнул в жару зарницы
Весь мир, как листок слюды,
И трещины — в милых лицах,
Прозрачных и голубых,

Что где-то бьёт половину,
А в окнах моих луна
Летит голубым дельфином
На голый лоб валуна.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Ночью небо чуть-чуть побледнеет,
И лиловая дымка в садах
Заклубится и снова исчезнет,
Словно облако в тёплых ветрах.

И о чём-то далёком-далёком
Напевает гранитный прибой... —
О какой-то звезде светлоокой,
Об улыбке её золотой.

Всё затихло, на улицах пусто,
И погас серебристый фонтан,
До утра одному слишком грустно;
Слишком много наваял туман.

— Приходи, покажу, как играют
Ночью звёзды с зелёной волной,
Расскажу, как горит, не сгорая,
В сердце пламень, зажжённый тобой.

Я спою тебе новую песню —
В мире лучше её не найти, —
В ней слова всех на свете чудесней,
И они для тебя — приходи!

ПЛЯСКА ТЕНЕЙ

Памяти В. Преловского

**Пляшут ночью лунною
Посреди дороги
Тихие и умные
Тени-недотроги.**

**Все слова тревожные
Залиты вином,
Тени осторожные
Никнут под окном.**

**Плачущей берёзою,
Звонкою сосной,
Осенью ли звёздною,
Ранней ли весной —**

**Пеленой повитое
Плясок-кружевов,
Всё давно забытое
Оживает вновь,**

**В сумерки неверные
Не грустить нельзя:
Снами незабвенными
Мёртвые друзья —**

**Тихие и умные
Тени-недотроги
Пляшут ночью лунною
Посреди дороги.**

НОКТЮРН

Небо закатное пусто,
Ветром тревожным звеня,
— О, как томительно-грустен
Свет уходящего дня!

Ветви садов молчаливых
Никнут в лучах фонарей,
Шепчут, склоняясь тоскливо:
— Ночь, приходи поскорей!

— Ночь, приходи поскорее,
Тихо спустись надо мной, —
Люди, и птицы, и звери
Грезят тобою давно.

Тенью от ласковых крыльев
Милой моей принеси
Синие звёздные ливни,
Синие звёздные сны.

Пусть для неё до рассвета
Плавают в лунном окне
Кружевом звёздного света
Светлые сны обо мне.

БЕЛЫЕ НОЧИ

**Ты, звенящий майский город,
Скерцо шпилей и балконов,
Брошен яблоком раздора
В край вечерних беззаконий.**

**Облака цветущим плющем
Вьются в небе потемневшем —
И застыл стеклом поющим
Воздух твой окаменевший.**

**А закат весенне-алый
Облетает, будто роза, —
И летят в глаза каналов
Облака, грачи и звёзды.**

* * *

Бел. Бел.
Даже слишком изысканно бел
Мел колоколен.
Мел. Мел.
Пересыпанный звёздами мел,
Лунной ночью изнеженный мел —
Город сказочно болен.

Да. Да.
Колья брошены: кол на кол.
Сухо щелкают: кол о кол.
Глухо замер: кол у кола
Около колокола.

Нет. Нет.
Руки скрещены: крест на крест.
Медно-огненный день воскрес,
Просыпаться садам окрест.

* * *

Вечно вдвоём.
Только вдвоём.
И не забыть никогда:
В сердце моём, —
В сердце моём, —
Колокол изо льда!

Нет!
А пора...
— Звон топора,
Острый, как алый крик,
В колокола
Бей до утра,
Выбей из них язык!

— Мел колоколен —
Бел, как скала, —
Рвись из пустых глазниц!
В жёлто-зеленые колокола —
Призраки медных птиц!

МЫСЛИ

**Квадригой летучей
Сомнений недобрых
По лунному небу плывут:
То хлынут, как тучи,
То сгинут, как воры,
И снова, и снова идут.**

* * *

**Я хочу научиться у ветра
Никогда ни о чём не грустить,
Чтобы алую розу рассвета
Для тебя по утрам приносить.**

**И ещё я хочу — хоть на деле
Никому научиться нельзя,
У холодных и звёздных метелей —
Позабыть о погибших друзьях.**

**Петь — у вас, предрассветные птицы,
Умирать — у тебя, Скорпион,
Только лучше всего научиться
Не любить, если буду влюблён.**

МОРЕ

(Кохтла-Ярве)

**— Посмотри: в предрассветную бурю
Море розовый пляшет балет, —
И откуда у осени хмурой
Этот ветренный яркий рассвет?!**

**Пусть танцуют и пенятся волны, —
Всё равно неподвижна земля;
Лишь в пути веселей пароходам,
Рулевым не заснуть до утра.**

Август 1952

* * *

Расцветает даль и поёт,
Золотой краснеет восток,
И на тонкий утренний лёд
За листком слетает листок.

Каждый день идет поутру
Возле окон гравёр-мороз
И звенит на легком ветру
Серебристой толпой берёз.

И в прозрачный розовый час,
Золотою луной полна,
В глубине задумчивых глаз —
Голубых небес глубина.

Расцветает искрами сад —
На земле сверкают огни,
И, как листья, звонко летят
Золотые синие дни.

20 апреля 1954

* * *

В небе идет война Алой и Белой розы —
Сохнут в её огнях звёзды и ламп слёзы.
Красной квадриги путь нескончаем —
Золотом встала заря, —
В красном золоте крепкого чая
Таять сахарным фонарям.
— Кань! Исчезни! Значит, не место
Город стенанием омрачать:
Если Пьеро потерял невесту,
Бедный Пьеро обречён молчать...
Девочка спит в голубом шезлонге,
Но: конец голубой глуши, —
Снова строится Альба-Лонга
В Риме моей души.
Пусть недовольные ропщут глухо,
Пусть мимолётно счастье моё, —
Я не пожертвую Индии духа
Телом Эллады, мифом её!

РАССВЕТ

Долгие минуты выжидая,
Ночь велит погаснуть фонарю,
Нехотя себя перерождая
В фиолетовую зарю.

А она едва-едва колышет
Крыльями на сером полотне,
Медленно очерчивая крыши
В медленно синеющем окне,

Словно хочет вырваться на волю
И к тому, что день недалеко, —
Разбросать по пепельному полю
Огненные розы облаков.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Посв<ящается> циклу
«Прогулки» М. Петрова*

Как кожа милой под вуалью,
Нежна закатная река,
И мерно-розовые дали
В змеиных гаснут облаках.

Тревожно-звонкие каналы
Хранят томительные сны,
Мечты, под стать зарницам алым,
И бред классической весны.

Я выйду в улицы кривые,
Когда погаснут фонари,
И лентой брошу мостовые
На тело утренней зари.

Из расцветающих мечтаний
Букет для гибнущих певуч,
А вместо тёмных причитаний —
О камень бьётся лунный луч.

Пока над мёртвой выются тени
И звёзды падают, звеня,
Я жду: родится чудный феникс
В огне сверкающего дня.

Апрель 1954

ПРЕЛЮДИЯ УТРА

— Радуйся, звёзды бледнеют —
Близко туманное утро,
Небо уже зеленеет,
Окна горят перламутром!

— Радуйся, красные тучи —
Птицы весенних восходов —
Хлынули стаяй летучей
В тихие тёмные воды!

— Радуйся, в белых туманах
Песня рассвета возникла —
Первая песня Корана
В грёзах весеннего цикла.

Февраль 1954

* * *

В заре, расцветающей рано, —
Минуты, но ясны они:
В сетях золотистых туманов
Уловлены синие дни.

Несущие золото рыбы
В горячих чешуйках оконц, —
Волнами, как красные глыбы,
На море расплавленных солнц.

Минута, минута — другая,
Растает последняя тень, —
— Но ярок, как ты, дорогая,
Летящий по городу день.

Но снова, и снова, и снова
За крышами вянет заря
И ярок фонарь трехголовый
На тихой поре фонаря.

А звёзды, что остро и больно
Сияют на ребрах мостов,
Удят до утра колокольни
На удочки медных крестов.

УТРО

Обнажив коснеющие тумбы,
Сто ворот распахивают рты.
Ветер с крыш:
Над морем ржавой умбры
Смят и прорван парус темноты...

Я бросаю радостные клады
Фонарей,
Как нитку янтаря, —
За печальный час твоей прохлады,
Эос, розоперстая заря!

ИЗ ПОЭМЫ

А. Арёфьеву, Р. Гудзенко

**Маленького, маленького серого котёнка
Во дворе хотели дети удавить,
Он всё время плачет, хвостик мокрый, тонкий,
Даже в тёплой комнате жалобно дрожит.**

**Слабенькая шейка сломана веревкой,
Грустно потускнели глупые глаза,
И котёнку больно, и лежать неловко —
Мордочка заплакана, лапки все в слезах.**

**Он наутро умер, бедный, глупый котик,
Не закрыв померкшие изумруды глаз.
И мяукнул синий пересохший ротик
Перед самой смертью, тихо, только раз.**

* * *

Долго-долго мучили котёнка,
Наконец решили удавить, —
Мёртвого, послушного ребёнка
Утащила киска хоронить.

На заре у кошкиного лаза
Собралась пушистая братва:
Шкурники,
Мокрятники,
Пролазы —
Знатная готовится жратва!

Лысый кот — сиятельный эрцгерцог, —
Запросто,
По-дружески,
На «ты» —
Говорил: — «Я ваш душой и сердцем!
— Господа пушистые коты!
Поднимите павшие знамёна!
Смерть собакам!
Горе поварам!
Римляне! Солдаты! Легионы!
Наступил Великий ТАРАРАМ!»

* * *

Под утро над ночными крышами,
На слёзы стынувших берез
Звонок метнулся недослышанный
И два огня светлее звёзд.

По Колокольной, по Литейному,
До неизвестного кольца, —
До парка, скрытого метелями,
Звенели рельсы без конца.

На остановке — дом заляпанный, —
На плащ слезится водосток,
А в нём, от глаз прохожих спрятанный,
Блестящей молнией — клинок.

Я не ошибся: эту бороду
И эту шпагу знает мир...
Идёт по замершему городу
В туманных сумерках Шекспир.

1953

* * *

**В трамваи нельзя не садиться,
А сев, — не сидеть до конца,
Луна, обливая ресницы,
У многих стекает с лица.
Луна наливается в окна
И льётся уже через край —
Сосной золотистой и тёплой
Сверкает вечерний трамвай.
Здесь шутят удачней и больше,
Спасаясь сюда от дождей,
Все девушки кажутся тоньше,
Задумчивей и нежней.
У них золотые ресницы,
В глазах — глубина без конца.
В трамвай нельзя не садиться,
А сев, — не сидеть до кольца.**

ВСТРЕЧА С ВЕСНОЙ

**Уличный ветер хохочет
Смехом, похожим на лай:
В звёздную изморозь ночи
Выброшен алый трамвай.**

**Долгим серебряным звоном
Долго клонило ко сну...
— Кто в задремавшем вагоне
Громко сказал про весну?**

**— Чей это пасмурной ранью,
В серую скуку и дождь,
Прыгнул, неяркий и странный,
Зайчик от новых калош?**

**Пусто скользнула по стёклам
Чья-то прозрачная тень,
Тронула поручень жёлтый -
Тихо качнулся ремень.**

**Кто бы сумел не заметить?
Видя, сумел не попасть
В солнечный-солнечный ветер,
В море смеющихся глаз?**

**Будто из мартовской ночи
Бросил в апрель или в май
Свой ледяной колокольчик
Утренний алый трамвай.**

ИМПРОВИЗАЦИИ

1

Ранний звонок трамвая
Ищет начало дня,
Песня, едва живая, —
Спасения у меня.

Песня роняет звуки,
Звёзды — её кольцо, —
Лёгкие бросив руки
Всплесками мне в лицо.

2

Милая, ты полна
Лунного яда,
— Что же тебе, Луна,
Что тебе надо?

Я от тебя дрожу,
Я ли виною,
Завтра я ухожу, —
— Ты не со мною?

— О, не дрожи,
Руки твои как птицы!
Их положи
Мне на ресницы.

РАДУГА НА МОСТИКЕ КАЛИНКИНОМ

**Дождь звонкими синими струнами
Повис на кустике, выросшем
Под куполом старой башенки
В кольцо мостовых цепей,**

**А лёгкий смычок из радуги,
Над нами внезапно вспыхнувший,
Высек из струн невиданных
Сто разноцветных брызг...**

РАССВЕТ НА ПР. МАКЛИНА

— Сейчас привезут макароны
На потных конях, а пока —
В чугунной авоське балкона
Озябшие, спят облака
Из лёгких шелков и резины, —
На всех, огоньками, роса —
В плетёном железе корзины
Вздремнули на четверть часа.
А сонных готовятся ветры —
Дождям, как японцы, косым,
Отмеривать — метры за метром —
Раздетым, голодным, босым.
— Бери, черно-бурые крыши,
Набейте чердачный кошель!
Напьяльте, чтоб выглядеть рыжим
Под рисовой пудрой «Рашель»!
И ждите, терпением полны,
В зелёных и красных шелках,
Пока привезут макароны
На потных, как день, лошаках!

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

**Солёные медные воблы!
Железные пилы — лещи!
Взывают могучие сопла
Трехсот сорока продавщиц.**

**Сегодня — засилие сельди.
Витрины набиты с утра
Треской из коричневой меди
И окислов серебра.**

БА ЗА Р

**Засилье веников и крынок.
Триумф весны и нищеты —
Цветной базар. —
...Мятежный рынок
Рекламой принят на щиты.**

**И солнца плеск,
И стёкол плесень
Отныне собраны в аккорд
Клавиатурой чёрных лестниц
В минорной клумбе клавикорд.**

* * *

**Ржавая высота,
Тихая красота,
Алая лента трамвая,
Вечер гранитного края, —
Синяя пустота!**

**— Благо тебе, —
 один —
В ночь зеленее льдин
Пусть ничего не снится,
Пусть прилетают птицы
 спать на твоей груди, —
Благо тебе,
 один!**

3 апреля 1955

* * *

А. Б.

«На оградах вспыхивает утро —
Тонкие поют колокола»,
В улицах, мощёных перламутром,
Тени розоватого стекла, —

Юркие и маленькие гномы
Заняты прозрачною игрой, —
Я пришёл на голос их знакомый,
Яркою и ветреной порой.

И светло их лёгкое круженье,
И покорен я своей судьбе,
У неё прося лишь разрешенья
Умереть, тоскуя о тебе,

Где рассвет склонил свои знамёна
К облакам из розовых снегов,
Как поэт, коленопреклоненный
Возле ног возлюбленной его.

УТРО

Много песен я прослушал,
Но запомнил лишь одну, —
Как в эмалевые лужи
Утро бросило луну.

Беспокойно бродят тени,
Где-то очень далеко —
Свет неяркий, свет весенний,
Исчезающий легко.

Воронёные вороны
Удивлённый тычут взор
В покосившийся, зелёный,
В темной плесени забор.

В ожидании притихли...
И, слепя вороний глаз,
Звонко мечущее иглы
Встало солнце-дикообраз.

13 февраля 1954

* * *

**В медные доски панели
Бьют прокажённые сны:
— Пейте ночные коктейли —
Лучшие вина весны!**

**В жёлтой фонарной корзине
Сноп золотых макарон —
— Режьте ночную резину
Неба закатных сторон!**

**Ешьте солёные стёкла,
Ломти от каменных туш,
Запад малиновой свёклы
В масле оливковых луж! —**

**Лунно на медной панели
Шляются пьяные сны —
— Крепки ночные коктейли —
Лучшие вина весны!**

* * *

Здесь погребён Фаэтон.
Овидий

**Вопросам сумрачным в ответ,
Рождённый из огня,
Летит оранжевый рассвет
На голубых конях.**

**Залитый в солнечную бронь,
На полдень он спешит,
Туда, где умер Фаэтон,
Поднять его на щит.**

.

**И я хочу, про всё забыв,
В твоём огне сгореть,
Чтоб, не сумев прекрасно быть,
Красиво умереть.**

ВЕСНА

1

Говорят, вчера темнели крыши,
В тёплом ветре плакали сады,
А сегодня шум неясный слышен
От снегов родившейся воды.

И с утра в серебряные дали
Птицы (или ангелы) летят, —
А на рынке вербы продавали
С шёлковыми лапами котят.

2

Серебристым горохом по стёклам
Ветер бросил трамвайный звонок, —
По прозрачным, оттаявшим, мокрым,
Светлой горстью весёлых тревог.

Тонко плакали синие льдинки,
А в глазах синева-синева —
И текли голубые слезинки,
И кружилась слегка голова.

Радость плещется юрким галчонком:
Даже здесь, у меня, за стеной
Распевала куплеты девчонка
И себя называла Весной.

3

Прочиталось в лужах под трамваем:
«Завтра, завтра кончится зима».
Я не знаю, знали иль не знали
Это отсыревшие дома.

Но в саду расплакались деревья, —
Не от боли —
Просто таял снег,
И большие голубые перья —
Облака — тянулись через век.

4

В весенних оранжереях
Под маской зеркальных окон
Растут цветы, тяжелея
От меди лунных потоков.

В больших плетёных корзинах,
Они, созрев, засыпают —
И долго спят в магазинах,
А я их там покупаю,

Ещё задолго до лета,
Их летним зноем встревожен.
И песни мои за это
На них так смешно похожи.

УТРО

1

Говорят, вчера темнели крыши,
В тёплом ветре плакали сады,
А сегодня шум неясный слышен
От снегов родившейся воды.

Ждали птиц в серебряные дали,
Говорили: скоро прилетят!
И на рынке вербы продавали
С шёлковыми лапками котят.

2

Я проснулся рано на рассвете,
А восток — пестрее петуха,
Легкие унес куда-то ветер
Тучи — разноцветные меха.

На зеленый камень тротуаров
Вышел март в трамвайных бубенцах;
В переулке звонком, как гитары,
Рельсы — точно струны — без конца!

3

На заре, поднявшей из-за моря
Алый шёлк развернутых знамен,
В сотни окон вызолочен город,
У Невы, коленопреклонен.

И когда лететь по следу ночи
Из-за крыш бросается гудок, —
Тоньше, чем хрустальный колокольчик,
На панелях утренний ледок.

**Чей-то пёс, под окнами зевая,
Тёплые развесил лопухи,
Полные серебряного лая
И другой собачьей чепухи.**

4

**Вот и всё, конец февральской стуже,
Под ногой чугунных фонарей
Расцвели оранжевые лужи,
Как осколки утренних морей.**

**В жёлтых бликах солнечного света,
Спит канал, сверкая чешуёй, —
Мне сегодня скучно без приветов
Девочки красивой и смешной.**

ЛУЖИ

**На серебряных рябчиках лужи
Иероглиф ущербной луны,
Как насечка старинных оружий —
(О, эфесы несметной цены!)**

**Бесконечность весенних проталин,
Вечеров золотые пески
Лепестками тоскующей стали
Разрешились от смертной тоски.**

* * *

На заре, в оперенье Жар-птицы, —
Облаков золотая орда, —
Наши окна темны, как бойницы,
Неприступнее скал — города,

(Где по скверам гнездятся вороны),
Не пестрят цветниками надежд,
Но весна опустилась на кроны,
Словно прозелень древних одежд.

Пусть её — одинокую птицу —
Умножают рядами зеркал, —
Наши окна — темны, как бойницы,
В городах — неприступнее скал.

Утро — в сказочных перьях Жар-Птицы,
Золотая орда облаков,
Но не солнце из глаз — из бойницы
Фитили недреманных стрелков.

И в тревожном прищуре «на мушку»
Озирая пустой окоём,
Вислозады медные пушки —
Мы чего-то мучительно ждём.

— Кто мы? — Камнем одетые птицы?
Хладнокровные рыбы глубин?..
В сплаве радуг заря разгорится,
Как витринная выставка вин.

И когда золотой балериной
По садам полетит листопад,
Воскрешая забытые вины,
Ты — нежданно воскреснувшим — рад.

Рад внезапно, как сполох полярный, —
Хоть частице из взятого в плен
Равнодушием, с кистью малярной, —
У веками расписанных стен.

Здесь любая умеренна плата:
Ты согласен на выкуп любой —
Вырвать время из плена пиратов,
Незамеченное тобой.

Только ждём, не вернутся ли птицы,
И сидим, розовея макушкой,
У окна — так сидят у бойницы
Вислозады медные пушки.

* * *

Возвращаясь, проносятся птицы —
Словно фейерверк радостных звёзд,
И цветут за домами зарницы
Отражением будущих грёз.

Это ранние майские зори
Возвещают свой первый восход, —
И впервые в открытое море
Им навстречу ушёл пароход.

Я запомнил, как взвыли сирены,
Как под клич металлических ртов
Пронеслась розоватая пена
Мимо пепельно-серых бортов.

И потом всё казалось, казалось:
Непривычный огонь фонарей, —
Надо мною заря разгоралась,
Билось море в когтях якорей.

Как томительно вымпелы вились!
И на каждом — морская звезда, —
Я заметил — и сердце забилось,
Как не билось ещё никогда.

* * *

Мой многобашенный град
В прибрежной гранитной долине:
Статуй смуглая медь.
Бледный мрамор колонн:

В царстве строгих фигур —
Строгость царственных линий.

Золотая орда облаков
Ставит станы по тихим предместьям.
Золотые, горят фонари
До второго пришествия дня.

Тишина — низошла по ступеням
Бесчисленных лестниц...

НА ВОКЗАЛЕ

За забором кончается город,
В голубые разливы полей,
В непонятный, но ласковый говор,
В переплёты сосновых аллей.

Он на карте подвешен за рельсы
На такой же зелёный кружок,
Между ними раздолья на месяц,
И на шпалы насыпан песок.

Между ними в ночные трезвоны,
Разбегаются тени в лесу,
И куда-то взлетают вагоны
День и ночь. Колесо к колесу.

<Может быть, оттого и волнуют
Голоса паровозных сирен,
Что летят через землю иную,
Вдалеке от запачканных стен.

Даже люди на пыльных перронах
Как-то лучше и тоньше лицом,
Побывав в этих пыльных вагонах,
День и ночь, к колесу колесом>.

Только жаль, что дорога недолга,
Что торопится вдаль паровоз,
Подождал бы! — Притих ненадолго
Под зелёными гроздьями звёзд.

А вдали уж щетинится город,
Пыльной пастью съедая вагон.
Путь закончен: не хочется вскоре,
Уезжая, придти на перрон.

ПРИХОД ВЕСНЫ

**Под утро снега посерели,
Метели набухли водой,
И первая нота капли
Ударилась в лёд голубой.**

**И вслед ускользящей ночи
В тумане качнулся фонарь,
Как будто желая помочь ей
Продлить надоевшую старь.**

* * *

Золотого ёжика-колючку
Из стеклянной клетки во дворе
В тонкие соломенные ручки
Звёзды целовали на заре,

Вечером из облачных ромашек
Солнце в море падало остыть, —
Ёжик ошетиживался, страшный...
Маленький... боялся темноты!

За стеклом серебряной скворешни,
Как больной мышонок без хвоста,
Он дрожал, пугаясь ветров вешних
В клейких изумрудинках куста.

Протянув шуршащие соломки,
Жёлтый ёжик плакал допоздна,
Рано утром лучики-обломки
Целовала девочка-звезда.

3 апреля 1955

КОЛОКОЛЬЧИК

Не может быть, чтоб, ничего не значив,
В земле цветы
Рождались и цвели:
— Я здесь стою.
Я не могу иначе.
Я колокольчик ветренной земли.

Я был цветком у гроба Галилея
И в жутком одиночестве царя.
Я помню всё.
Я знаю всё.
Я всё умею.
 Чтоб гнуть своё,
 Смертельный страх боря.

Мой слабый звон приветствует и плачет.
Меня хранят степные ковыли.
— Я здесь стою!
Я не могу иначе.
Я колокольчик ветренной земли!

27 июня 1958

КОНДУКТОР ТРАМВАЯ

— Я — кондуктор. И без сожаленья
На пороге весёлых вагонов
Обменяю вам медные деньги
На сосновое золото тронов.

— Забывайте о горе недавнем!
Прочь с лица беспокойные тени! —
Каждый мчится — король среди равных
В бесконечность вечерних владений.

11 июля 1958

СОНАТА

Взлетают звуки,
А я смотрю, как падают пальцы
И как хрустальные слёзы
Меркнут на люстре.

Быстрые руки
Чёрного пианиста
Сеют звонкие зёрна:
Их много — отборных и чистых.

И смотрят растерянно люди,
А я сокрушаюсь, слыша,
Как умирает соната,
О камень сердец разбившись.

11 ноября 1954

МАЭСТРО

**Полупьяное форте ресторанных оркестров
Говорит о свободе, воспевает любовь.
Пусть пропойцам неловко — лишь в трактире и место
Говорить о желании, отравляющем кровь.**

**От печали смеются и от радости плачут,
Только умный и трезвый опечален швейцар:
Он-то знает давно, он-то понял, что значит,
Если кануло сердце, засыпая, в угар.**

**Чёрным вороном реет над толпою маэстро,
И забытые грёзы собираются вновь...
— О, фальшивое форте ресторанных оркестров —
На могиле свободы расцветает любовь!**

20 сентября 1954

fff

**Сквозь кружево лиственниц мглистых,
Читая скрещения шпаг,
Я резок, как пушечный выстрел,
Как ветром освищенный флаг.**

**Когда изукрасить заливы
Луну принесут облака,
Над миром — таким молчаливым! —
Моя распростёрта рука.**

**Тогда каменеет бумага
От тяжести гордых словес:
— Люблю одиночество флага
В хохочущей глотке небес!**

БЕЗУМИЕ ЛИРА

(романс)

— Вой, ветер!
Вой голодным псом! —
Твой плач мою умерит боль.
— Пляшите, тучи, над кустом,
Где свой приют нашёл король!

— Смелее, ливень! Грудь пронзи!
— Что медлишь, град? Ты так же бел,
Как седина моя! — Рази,
Когда король обезумел!

— Не умолкай, небесный гром!
Я здесь король! Я так хочу,
Коль череп мой — забытый дом, —
Скажу «спасибо» палачу!

— Прочь, змеи, прочь... Я ваш отец?!
Ехидны вы, а он — вампир!
Он шут, разбивший свой венец,
А я — могучий, грозный Лир!

— Вой, вихрь, хлещи меня в лицо,
Смелее! Всё стерплю, изволь...
Эй, стража! Я вас, подлецов, —
Здесь бьют меня, а я — король!

28 сентября 1954

ДОННА АННА

Молот сердца. Пляшет сарабанду?
Золотая капнула свеча.
— Где ты, гранд? Вставай навстречу гранду,
На поклон поклоном отвечай.

Неучтивым серым истуканом
У порога ждущему слуге
Прикажи наполнить вновь стаканы —
Близок гость, пускай шандал чеканный
Не дрожит в испытанной руке.

— Донна Анна? —
В ночь погасли взоры,
— Мне сияй, моею будь звездой!
— Отыщи убийцу Командора!
— Донна Анна — я перед тобой!
— Покажи её непобедимой,
Обещай мне, свято обещай.
Ты клянёшься?
Да?
Огнем и дымом?
— Да.
Клянусь.
Люблю тебя.
Прощай!

* * *

Что же ты спишь, Маргарита?
Слышно — слетаются сны,
Окна надёжно закрыты
Листьями лунной весны.

Ласковой дрёмой одетый,
Грезит синеющий сад:
Там, на склонившихся ветках,
Странные птицы сидят.

Лишь приподнимешь ресницы
В зареве нового дня —
Умные быстрые птицы
Тотчас уносят меня.

Но не прервать до рассвета
Твой зачарованный сон,
И не дожидаться ответа...
Петь...

Только петь под окном.

2 января 1953

НА МОТИВ ГУМИЛЁВА

(из дневника девушки)

У меня не живут цветы, —
Май не любит ночных видений.
— О, слепые мои кроты,
Неотвязные мысли-тени!

Рождены одноликой тьмой,
Расцветают больные грёзы...
Я вчера принесла домой
Золотую, как сон, мимозу.

Как звенящую стрекозу,
На окно посадив ночное,
Оттенила её желтизну
Осторожной, как мышь, свечою.

Чтоб смеяться им на ветру
И качаться в прозрачных играх,
Но погибла она к утру
На тяжёлых и пыльных книгах.

А сегодня и мне невмочь,
Я не вынесу этой муки:
Паутиной связала ночь
Голубые, как тени, руки.

У меня не живут цветы.

ФЕВРАЛЬСКАЯ

Снег на озябших крышах,
Синяя стынет тишь.
— Донна Мария, слышишь?
Донна, о чём грустишь?

— Рыцарь забыл о милой,
Рыцарь усталый спит.
— Донна, к его могиле
Лунный прикован щит.

Ветер ночных ущелий
Принял последний вздох;
В шлеме разбитом щели
Яркий украсил мох.

Так никогда не будет...
— Встань, подойди к окну, —
Талая ночь, безлюдье,
В городе ждут весну...

Где-то в сыром тумане
Звякнул ночной трамвай.
— Скучно? — Читай романы
Или опять играй.

МЕНЕСТРЕЛЬ

Торжественный пламень, угасший в крови
Бесславно и тщетно пролитой,
Напомнит ли время великой любви,
Минувшие славные битвы,

Когда, торжествуя над злобой врага,
Над башнями флаги пестрели, —
О славе победы гремели рога,
О славе любви — менестрели.

Но здесь, где слывёт избавителем смерть,
Где счёта не ведают бедам,
Какую любовь я решился б воспеть,
Какую прославить победу?

Победу ли тёмных и низменных стад,
Внезапно нагрянувших хамов?
Любовь ли Иуды к добыче Креста?
Вандаля — к развалинам храмов?

— О, горе певцу, пережившему честь,
И вечно тоскующей лире
Звенеть, призывая высокую месть
Во славу разбитых кумиров.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ещё торжественней и проще
По вечерам стеклянной тьмы
Молчат оснеженные рощи —
Окаменевшие дымы.

А звёзды, брошенные в дали,
Слетались женщинам в глаза,
Как звуки плачущих роялей
Из глубины концертных зал.

И недосказанно и нежно,
Как роспись древних потолков,
Скользят вечерние одежды
Из крыльев тёмных мотыльков, —

Полны задумчивой дремотой,
Тревожат шорохом аллей
И обещанием чего-то,
Чего не знали на Земле.

Хотя, как встарь, скрипучи двери,
И жалят светлые огни...
Но кто им может не поверить,
Когда зовут и ждут они?

ПЕСНЯ ЛАДЫ

— Ладó, Ладó, диди-Ладó,
Бог вечерниц полнолунных,
О, единая отрада
Волхований ветров юных!

Меж закатными богами
Вечно — утренний, рассветный,
Грянь призывными рогами
В сумрак ночи безответный!

В сумрак ночи, в бездну ночи
Выйду я пустынным плёсом,
Для очей твоих полночных
Распустив по ветру косы.

Прилети знакомой птицей, —
Мне иных богов не надо —
Для тебя сомкну ресницы,
— Ладó, Ладó, диди-Ладó.

15 апреля 1954

ДИАЛОГ

Ничего на свете не изменится,
Только дамы будут изменять.
— Паладин, купите индульгенции, —
Вас они для рая сохранят.

Все грехи за золото прощаются,
А влюблённый Каина грешней:
Он уверен, глупый и страдающий,
Что девчонка — золота нежней.

— О, монах! Влюблённость безответную
Не спеши от лжи предостеречь, —
Я друзей для женщины не жертвовал,
Не поднял в её защиту меч.

Назову ль божественной любимую,
Подниму ли в честь неё копье,
Если звёзды ярче взора милого,
А заря алее губ её?

В целом мире, от любви помешанном,
Не обнимет деву паладин,
Если вздох её — не ветры вешние,
А во вздохе — хлад полярных льдин.

Ничего на свете не изменится,
А попы любую ложь простят.
— Покупайте, рыцарь, индульгенции,
Вас они для рая сохранят!

29 июня 1953

ЛЮТНЯ И МЕЧ

В морозные латы закована ночь,
Луна — как далёкий костёр,
Над гулкими крышами — звёздам невмочь,
Но свет их предсмертный — остёр.

Уж лучше всю ночь бы стонала пурга,
Слепя заблудившийся взор,
Чтоб только не слышать, как воют рога,
Вещая полуночный сбор.

Над замком, восставшим из мрака до звёзд,
Ночная заря — горяча,
Оттуда — за мною явившийся гость
С мерцающей сталью меча.

УВЕРТЮРА

Пульсирующий фон смычковых,
Как рябь предутренних озёр,
И дирижер — змеёй очковой
Застыл в тени — гипнотизёр.

Ещё в плетёные корзины
Укрыта радуга наград,
И Альмавива у Розины
В гостях — подвыпивший солдат.

Но встал тубист, как ящер Юры,
Как медный слон, оцепенев, —
И листья ветхой партитуры,
И дам напудрил юрский мел.

«И-так-и-надо!
Так-и-надо!» —
В скрипичной судороге — месть:
Фосфоресцирующим гадам
Чертить —
Мене,
Текел!
Фарес!!

ДОН КИХОТ

Во всех кабаках Арагона —
Гитанам, танцующим хоту,
Милей забубённого дона —
Отважное имя Кихота.

И звонкие слёзы Дуэро,
Припомнив бродягу, синели,
Ведь этот лихой кабальеро
Был верен одной Дульсинее.

.

Поют по полям Калатравы
Рога королевской охоты —
Сам герцог завидует славе
Блестящего дона Кихота.

Забытый, но преданный Панса
В овраге пасёт Росинанта, —
У доньи в улыбке алмазы,
У доньи глаза — бриллианты.

И ранят влюблённого дона
Ресницы, что как острые стрелы,
Хранят небеса Арагона
В глазах Марии-Эстреллы.

А ночью влюбленную донью
Приводит гадать у фонтана,
Под брызги серебряных звонов,
Горбатая злая гитана.

Старуха твердит: кабальеро
Влюблён в королеву Тобосо,
А донья гадалке не верит,
Но дарит жемчужные слёзы.

**И плачет... А возле фонтана
Ползёт по ступенькам гитана
И сыплет слезинки брильянтов
Костлявой рукою в карманы.**

ГЁЗ
(Тиль Уленшпигель)

**В лужёных глотках застывало
Голубоватым серебром
Колбас расплавленное сало,
Как ломоть стали под ребром.**

**Пивная медь дымила в кружках, —
Дымясь, горела на столах:
Была нужда — гремела в пушках,
Была нужда — в колоколах.**

БОЕВАЯ ПЕСНЯ ТИЛЯ И ЛАММЕ ГУДЗАКА

Тиль: Утро встаёт над морем,
Бездна проглотит горе,
Буря сменяет штиль, —
Я её вестник — Тиль!

Тиль и Ламме: Звените, бокалы!
Бейся о скалы,
Море — врагам на погибель!
Фландрских бокалов
Выпьет немало
Доблестный Тиль Уленшпигель!

Тиль: Живо вперёд,
Весел и горд,
Смело, как чёрт, бросайся! —
Судно идёт
Бортом о борт, —
Близится смерть — покайся!
Можешь спастись — спасайся!

Оба: Буря прогнала штиль —
Вестник свободы — Тиль!

Тиль: Эй! Веселее, Ламме!
Видишь? — Пожара пламя
Залито морем слёз.
В бой веселее, Гёз!

Тиль и Ламме: Время звенеть бокалами,
Море хрустнет кораллами —
Всюду испанцам гибель —
— Ламме!
— Тиль!
— Ламме!

— Тиль!
— Ламме!

Оба: Тиль Уленшпигель!

**Тиль: Гаснет пожаров пламя
— Голову выше, Ламме!
В мире довольно слёз!
В бой веселее, Гёз!**

* * *

И радость и боль — эфемерны!
Но в полночь, чернее агатов,
Я снова с друзьями в таверне,
В таверне «Встреча фрегатов».

Глаза не знакомы с биноклем,
Улыбки — черствее ковриги, —
Как стонут разбитые стекла!
Скрипят деревянные бриги!

О прошлом никто не жалеет:
Минувшее дело — не дело!
Лишь поднятый — парус белеет,
Лишь в море — легка каравелла!

Соперница милой — дорога
По морю, весёлому морю,
Над чёрным гнездом осьминога
Навстречу желанному горю.

О-эй! Позабудь о тревоге!
О-эй! Сожаленья не к месту!
Невеста мешает в дороге, —
Матрос покидает невесту.

Пусть плачут разбитые стёкла —
Забыты счастливые миги.
— В глазах, незнакомых с биноклем,
Улыбки черствее ковриги.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ О СРУБЛЕННЫХ ДУБАХ

**Дубы латунны, меднолаты, —
Когда созреют фонари;
Они — темны и бородаты,
Как ассирийские цари.**

**Они дуплисты, узкогорлы! —
Громадней башен крепостных...
Их дупла — пушечные жерла,
Их сны — несбыточные сны.**

**Их песни — тихие сирены —
В гитарах осени дрожат.
— Спокойно спите, сюзерены! —
Поют ночные сторожа.**

— Спокойно спите, сюзерены...

К «ЛЕТУЧЕМУ ГОЛЛАНДЦУ»

**Гаснет заря, и за милею миля
Птицы кружат над могилой фрегата,
Крепом ложатся на белые крылья
Алые тени из бездны заката.**

**Ночью в тиши океанских туманов
Трубы грохочут на льдистых уступах —
Мёртвых сзывают в поход капитанов
Чёрного золота литные трубы.**

**Ночью, покорные властному зову,
Тихо и гордо встают великаны,
К смерти, и к жизни, и к бою готовы, —
Ждут до рассвета в дремучих туманах.**

А. ГРИН

**Поздним вечером, лишь тени поползли,
Поднимается зелёная луна,
Даль — луною очарованной Земли —
Снами странными становится полна.**

**Поздним вечером на улицах пустых
Я туманы заколдованные пью, —
По течению серебряному их
Городами поднимается Гель-Гью.**

**Лунный колокол бросает лепестки —
Расцветают незнакомые цветы, —
И канал, подняв узорные мостки,
Звонок песней незнакомой красоты.**

**Каждый вечер, чуть зажгутся фонари,
Я ищу тебя, летящую вдали
Над волнами умирающей зари,
Над полями очарованной Земли.**

РОМАНС О ЛУНЕ, ЛУНЕ

— О, луна, луна! —
Светоч синих ночей —
Вечно плыть бы без сна
По теченью лучей.

— О, луна, луна!
Не беги от меня в облака,
Я ведь грустью твоею полна,
— О, луна! — золотая река!

— О, луна! Протяни мне свой луч —
Я спешу на свиданье с тобой,
Где, звеня, твой томительный ключ
Бьёт струёй, как струна, золотой.
— Не беги от меня в облака,
— О, луна! — золотая река!
— О, луна!

В ЭРМИТАЖЕ

**Когда в серебряных лучах коричневеют крыши,
Я рад тому, чему никто другой не рад:
Что мной изведена тоска о никогда не бывшем,
И вечно зелен звёздный виноград.**

**Что я тебе был посвящён художником безвестным;
И нам не вырваться из сказок никогда,
Где за цепями островков прелестных
Звонят у эллинов косматых города...**

**А в коридоре мягкий свет и гобелены...
Гомер, воскресший для меня, мне говорит:
— Не гибнет Троя из-за прелестей Елены,
Но в преферанс обыгран кем-то Приамид.**

Огюст Роден. Вечная Весна

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА **(О. Роден. Эрмитаж)**

**Зовущий вдаль уходит без ответа, —
Напрасно ночь дрожит от пенья труб.
И мраморным Ромео и Джульетте
Не разомкнуть целующихся губ.**

**И реют сны, как пёстрые стрекозы,
Над юношей, изведавшим любовь,
И девочкой, нежнее белой розы,
Упавшей в пламенеющую кровь.**

**Джульетта спит, и чудится Ромео,
Как будто всё, чем жизнь ещё горда,
Ему дано, а утро, пламенея,
Не для него приходит в города.**

**Но в тишину сиреневого сада
Донёсся шум надежды и тревог,
И он, тоскуя, смотрит сквозь ограду
На пыльные скрещения дорог.**

**Как просит грудь горячей ласки ветра!
Как рвутся руки к вёслам корабля!
Его зовёт соперница Джульетты —
Светающая юная Земля:**

**— Ромео, встань! Вдали порозовело,
Давно заждались верные друзья,
Испытанной, крылатой каравеллой
Для девочки пожертвовать нельзя!**

* * *

Во дворцовом пыльном коридоре
Я нашёл прелестный гобелен:
Римский флот, плывущий через море
В розовато-серый Карфаген.

И с тех пор нахмуренные лица,
Раз увидев, вижу каждый день.
— О, глаза у воинов! — бойницы,
Где ночная опочила тень.

Но один из них, наверно, консул,
И, быть может, даже Сципион, —
Дал плеснуть в глаза волне и солнцу,
А другой не дал — центурион.

Трубный рёв поплыл над Карфагеном
Мамонтов выводит Гасдрубал.
А народ, собравшийся на стены.
Переругивался и зевал.

Кто наверх смолу лениво вносит,
Кто бранит плывущий легион...
В этот миг лазутчики доносят,
Что в сенате победил Катон.

ПРОГУЛКИ ПО МУЗЕЮ

1. Амфора

**Былое люблю, как музейную вазу, —
Канон произвола и нормы.
Но клей отнимает аттический разум,
А глина — античные формы.**

2. Эфес шпаги

**Мощной фантазией линий —
Вяжущий буйный металл,
— О, Бенвенуто Челлини,
Кто бы тебя не узнал!**

3. Иконы

**Чудотворные пальцы икон
В кипарисовом масле тоски
Лихорадило.
Был камертон
Окончанием каждой руки.**

4. Скарабей

**Серебристая скоропись трещин
Повторяет классический сон:
Колеснице, послушной, как женщина,
Вверил тело свое фараон.**

РАМЗЕС II

Огнедышащий ветер свивается...
О, как медленно вянут часы!
Над Мемфисом маяк разгорается
В полнолунии нильской весны.

В дымном небе — багровые трещины.
Только стих колокольный трезвон,
Колеснице, послушной, как женщина,
Вверил тело свое фараон.

На квадриге, украшенной розами,
Повелитель крылатых коней
Ароматными пьяными грёзами
Одурманен на западе дней.

И приснилось Рамзесу влюблённому,
Что она бесконечна, как Нил, —
Но встают миражи раскалённые,
И печален ручной крокодил.

И язык меднозвонкий, ликующий
К колокольной гортани прилип —
Ведь сегодня у сфинксов тоскующих
Появился бродяга Эдип.

АТЛАНТИДА

Листья звенели.

**Странно, странно,
Холод щемящий в душу проник,
Тысячи слов, болящих, как рана,
Тщетно пытался промолвить язык.**

**Очень хотелось вспомнить что-то,
Или, быть может, всё забыть...
В лунном саду золотая дремота,
Листья устали звенеть и жить.**

**Мокрые ветки в прозрачные ткани
Молча и серо закутал туман,
Стынувший город в безмолвие канул
Тихо сомкнулся над ним океан**

АЛЬБА

**Нет прекраснее песни ветров!
И поэтам — желанней награды,
Чем жемчужная сеть островов
И коринфские кудри Эллады —**

**Нет на свете губительней яда,
Чем слова увидавших во сне
Обречённую вечной весне
Золотую, как факел, Элладу!**

АЛЬБА О ЗОЛОТОМ РУНЕ

**Я найду для граждан хмурых
Руна умерших баранов
И велю содрать три шкуры
С отупевших барабанов:**

**— В небо дымного хрусталя
Золотые прыщут стрелы —
Облака в туманных далях —
Зоревые каравеллы.**

**Стали руки из фарфора —
Стал булыжник перламутром —
— Эй! Вставайте! — Из-за моря,
Возвратясь, настало утро.**

ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА

**Ты для меня дорога,
Но не могу не уйти —
Дальние плачут рога,
Манят ночные пути.**

**Ярче тоскующих губ
Рано восток заалел,
Бьются на радость врагу
Крылья моих каравелл.**

**— Плачь, если можешь, о, плачь!
Слёзы осушит заря...
— Рано грозишься, палач! —
Море когтят якоря.**

**Выпали кровью дожди,
— Нет, не гляди за окно,
В долгие ночи не жди —
Нам победить не дано.**

**Воеет томительный рог.
К бою готовы друзья.
Нету окольных дорог —
Жить побеждённым нельзя!**

**Свет долгожданного дня
Вижу! Восторг не избыть.
— Женщина, прочь от меня! —
Раб не умеет любить.**

**В память бывшего дарю
Стадо, служанок и дом...
— Прочь от меня, говорю, —
Мы никогда не придём!**

ИЗГНАНИЕ ЕЛЕНЫ

**Горе мне — суровым роком
Я наказан беспримерно! —
Больше нет со мной Патрокла,
В дружбе равного бессмертным.**

**О, судьба настигла злая:
Все друзья — его лишь тени.
— Ты ль, рабыня Менелая,
Мне товарища заменишь?**

**— Нет! Пускай Атрид надменный
Назовёт тебя супругой, —
Что глаза твои, Елена,
Если нет со мною друга!**

**— Перед кем красой твоею
И любовью мне гордиться?
Нет его! Ступай к ахеям,
Скройся с глаз моих, девица!**

* * *

Тугой изгиб фраортских луков,
В прекрасной линии твоей —
Аркады римских акведуков...
И тихий свет из-под бровей.

А лёгких струн
И тяжких бронь звон,
И локон дыма на войне —
Как прядь волос коринфской бронзы,
На память срезанная мне.

ИДУЩИЕ

**В блестящий сферический воздух —
Тяжёлый стеклянный объем —
Осенние белые звёзды
Восходят — был пуст окоём.**

**— Не будьте ко мне безответны,
Подайте тоску превозмочь,
Сырые, холодные ветры,
Туманом одетая ночь!**

**Где стяг вечерового клёна,
Как бронзовый парус, раздут, —
Не встать никогда legionам,
Но люди — идут и идут...**

ПРИЗЫВ

**Давно поникшие знамёна
Опять шумят на площадях:
Зовут солдат центурионы
И громко спорят о вождах.**

**Бранясь на улицах вечерних,
Трубя неистовый поход,
Толпу неверующей черни
Зовёт весёлый Дон-Кихот.**

**Его сирвента так крылата,
Так грозен всадника карьер,
Как кондотьер Гатамелата
И Коллеони-кондотьер.**

**Как будто в мир из книжной стари
Пришёл достойный супостат,
И я с восторгом жду, триарий,
Когда в бою падёт гастат.**

НИКА

Мой конь, узорной бронью скован, —
Давно томится у ворот
И ждёт, когда, рождённый словом,
Мой мир по слову оживёт.

В ту ночь — она черней вороны —
Луна издаст тоскливый стон,
Как медный щит центуриона,
Когда в него ударит слон.

И лунный свет зелёной льдиной
Разбив о бронзу и чугун,
На Каталаунской равнине
Воскреснет к бою старый гунн.

Январь 1954

ANACHRONISMOS

**Наступит ночь черней вороны,
Луна издаст тоскливый стон,
Как медный щит центуриона,
Когда в него ударит слон, —
Что значит: снова ожил Дарий, —
Достойный мести супостат, —
И я с восторгом жду, триарий, —
Когда в бою падёт гастат.**

СЛОНЫ ИДУТ

**В секущих ливнях —
Предсмертный холод;
Тучи — слоны! Стога! —
На чёрных бивнях —
 Фанфарный хобот,
Как медный пест — нога.**

**— Что трусость и отвага,
И возгласы «пора!»? —
Идут слоны — от шага
Трясутся города,**

**В ознобе бьются волны,
Как горе, солоны,
Терпенья чаши — полны,
Идут СЛОНЫ!**

* * *

Глаза её — звёзды, ночные цветы
Она затмевает собою:
Я пьян на заре от её красоты,
Забыв опьянение боем.

Склоняюсь пред нею, но вечно готов —
Отвергнут без грусти и страха,
Умея любить, как не любит никто,
Как Гектор любил Андромаху.

Она для меня — небеса и земля,
В глазах её — звёздные вьюги, —
Лишь звонкие стрелы да руль корабля
Желаннее милой подруги.

Её не смогу предпочесть я вину
И только за верного друга
Отдам колесницу, коней и войну,
Трирему, вино и супругу.

**— Если день поражён, —
Если ночь сражена, —
Нам ли прать на рожон!
Мы — против рожна!**

**Кисел рубин рябины
В квашне переносицы битой:
«Сукин ты кот, Катилина! -
— В шею его, кwirиты!»**

— Ставлю рожон
Против рожна:
— День поражен!
Ночь — сражена!

СИРВЕНТА

Стань, о солнце, рубиновой геммой,
Поскорее покинь небеса!
Мы для битвы нарядим триремы
В золотые, как ночь, паруса.

Пусть погибнет, кто с вызовом послан, —
Эта кровь — да падёт на убийц!
— Эйя! — гнутся послушные вёсла,
Как тела молодых танцовщиц.

Как трепещут упругие луки!
Стрелы, чуткие, рвутся в зенит, —
Так дрожат у избранницы руки,
Рвётся голос — от счастья — звенит!

— Эйя! — Дружно усилия множьте!
Эту ночь не приблизить нельзя,
Глядя смерти в глаза, не тревожьтесь:
Отомстят или лягут друзья!

Гаснет запад рубиновой геммой,
В море крови легли небеса!
— О, не зря разодеты триремы
В золотые, как смерть, паруса!

ДЕТСКОЕ

Я помню день: опавшей розой
Увял закат, погас...
И ночью ждали бомбовозов —
Война была у нас.

Но было весело мальчишкам
С уроков убегать
Во двор — знакомые по книжкам
Осколки собирать.

Один, тяжёлый и ребристый,
В руках спокойно спал,
Как будто рыба, серебристый,
Граненый, как кристалл.

Седой кусочек тёплой стали
Не мог нам рассказать
О той стране, где ночь не спали,
Чтоб нам его прислать.

Другой забился нам на радость,
А третий долго пел.
И вдруг стоявший с нами рядом
Смертельно побледнел.

Алея, вспыхнули разрезы,
И вмиг — конец любви
К блестящим рыбкам из железа,
Резвящимся в крови.

А в небе, розовом от жара,
Склоняя хищный нос,
Из гривы бешеных пожаров
Взметнулся бомбовоз.

* * *

**Я видел сон! Я сном забылся,
Но жилой в горле петуха —
В сетях дождя рассвет забился,
Сдирая тучные меха.**

**О, голубая туша неба
И окровавленная сталь!
Не утра зов — но жажда хлеба
Сухим огнём взорвала даль.**

* * *

**Я болен и стихи мои больны,
Меня — нельзя, а их любить нетрудно,
Они прозрачней утренней луны,
Пустынней улицы безлюдной.**

**Ты в них, на удочке беды,
Найдёшь отравленную рыбку,
А всякий жаждущий воды —
Сухую молнию улыбки.**

НОКТЮРН

Дремучий ветер охватил
Наш край, где площади, как ступы, —
И, молча, трупы золотил —
Луны тускнеющие трупы.

И шелест крыл от птичьих стай, —
И на знакомые ограды,
Кружась, летит вороний грай,
Как чёрный призрак снегопада.

А как ревут колокола! —
Их рвёт предсмертной медной рвотой,
Как будтодохнут на колах
У острых звонниц — бегемоты.

Сквозь эту боль и этот стон
Зову друзей — их рук коснуться б! —
Ведь это только страшный сон,
Ведь я могу ещё проснуться.

ЛУНА ЗА ОКНОМ

Лик луны за окном —
Печали
И навязчивых дум двойник,
Полукруг серебрёной стали —
До столетий продлённый миг.

Голубые набросив тени
На булыжники,
Дремлет дом,
А на звонких ветвях растений —
Лик луны за моим окном.

* * *

**Мне никто на песню не ответит —
Спят друзья тяжёлым, жутким сном,
А над миром веет звёздный ветер,
И деревья стонут под окном.**

**Да и сам едва смотрю сквозь дрему
Одолела дьявольская ночь...
Одичал, не выманить из дома,
И перо держать совсем невмочь.**

* * *

У огня с непогодами шашни
Завелись в дымоходном тепле,
Догорели и рухнули башни, —
Я картошку испёк на золе.

И опять одеваю поленья
В золотые лохмотья огня,
Разомлев от обжорства и лени,
Опечаленный близостью дня.

БАЛЛАДА

Облепив стеклянную веранду,
Вечерами смотрят со стены
Скорпионы жёлтого Коканда
С изразцами синей Ферганы.

Я собрал их, странствуя с отрядом
Из людей, верблюдов и ослов:
— Вот они, пропитанные ядом
Непонятных азиатских слов.

Помню: зной. Мираж вдали дымится.
— Неужели в мире есть вода?
Мерный шаг верблюдов экспедиции
Заведён, как будто — на года.

Не струной — уже верёвкой — нервы,
Жаркий луч копьём летит в висок.
Пахнут жестью тёплые консервы.
Тёплой шерстью — солнце и песок.

Всё желто — пустыня и верблюды,
И ослы, уставшие реветь...
Месяц жёлтые от солнца люди
Жёлтую разыскивают медь.

И нашли. А позже, выйдя к морю,
Жгли костры на белом берегу,
На холмах окаменевшей соли
Отдыхая, будто на снегу.

11 января 1954

«ОКНОБОЯЗНЬ»

**Больного всё тревожит,
А болен я давно —
Громадной белой ложью
Мне кажется окно.**

**Пуškai меня задразнят —
В глазах от окон — резь —
Зовут «окнобоязнью»
Новейшую болезнь.**

31 марта 1953

* * *

Не будьте ко мне безответны,
Подайте тоску превозмочь,
Сырые холодные ветры!
В туманы одетая ночь!

Где молча сады умирают
В плену золочёных оград,
И серые звёзды, упав, догорают
На листьях сверкающих лат;

Где меркнет осеннего клёна
Коптящая небо свеча, —
Не встать никогда легионам —
О прошлом тоска горяча!

Но в час вечеровой молитвы
Доспехи на впалой груди
Я снова готовлю для битвы,
Как будто не всё — позади!

* * *

Не будьте ко мне безответны,
Подайте тоску превозмочь,
Сырые холодные ветры!
В туманы одетая ночь!

Где молча сады умирают
В плену золочёных оград,
И серые звёзды, упав, догорают
На листьях сверкающих лат;

Где меркнет осеннего клёна
Коптящая небо свеча, —
Не встать никогда легионам —
О прошлом тоска горяча!

Но в час вечеровой молитвы
Доспехи на впалой груди
Я снова готовлю для битвы,
Как будто не всё — позади!

* * *

**Мои слова — притворны, слёзы —
Притворство, если не спяна,
Но это знают только звёзды,
Читая буквы из окна.**

**Они скромны и молчаливы,
Пускай следят из-за плеча
Надежд приливы и отливы —
Душа поэта горяча!**

**Не счесть при сказочной отваге
Её желаний и страстей —
Мне хватит (о, лишь на бумаге!)
Весь мир звать в свою постель.**

СТАРЫЙ ГВОЗДЬ НАД ОКНОМ

Торчит и молчит!
Торчит и молчит —
И вежлив в изящном поклоне,
Он туп и нелеп,
Он несколько лет
Над синим квадратом оконным.

Я зол.
За назойливый вид горбуна
Давно затаил я злость! —
Не видеть ему голубого окна!
Но он закадычен и прост,
Он только глубже свернется в поклон,
— Как хобот сворачивал слон, —
Вонзившись в засохшие кирпичи,
Он, шляпку откинув, молчит!

Торчит и молчит,
Торчит и молчит! — и я привыкаю к нему.

Я вижу его каждый день у окна,
И нас обдувают ветра,
Краснеют, сереют утра
И шепчут: пора! — (а вчера
К надёжной спине горбуна
Я привязал веревку).

* * *

1

От крыла зари
Улетела тень,
На пути гася фонари,
— Здравствуй, ясный день!
Что приносишь мне?
С чем пришёл сюда?
Говори!

2

— Здравствуй, ясный день!
И исполни сны!
Наступил голубой апрель —
Яркий, ветреный
Первый день весны,
Бубенцами встряхни капель!

3

— Здравствуй, день! Приди океанами
Отражаться в моём окне,
Дай мне спутника долгожданного,
С сердцем огненным, как во мне!

4

От крыла зари
Улетела тень,
На пути гася фонари,
— Здравствуй, ясный день!
Что приносишь мне?
С чем пришёл сюда?
Говори!

* * *

Я зритель ночных беззаконий,
А край, о котором рассказ,
В узорных корзинах балконов
Скрывает созвездия глаз.

Я житель стеклянного края,
Где люди послушны мечте
И верят, что кровь — голубая,
И аист приносит детей.

Там слёзы хрустальных оркестров
Сетям подарил океан,
А руки у каждой невесты —
Как ветер полуденных стран.

Я рыцарь счастливого края
Из города Белой реки,
Где жители горя не знают,
Где жители все — рыбаки,

Где в час наступления ночи
Справляется праздник росы,
И лунные девичьи очи
Полны неизвестной красоты,

И с неба слетают кометы,
Влюблённые в край рыбаков, —
В одеждах из звёздного света
И тени ночных облаков, —

За песни дневного улова
О птицах, летящих на юг, —
Учить неизвестному слову
Прекрасных, как птицы, подруг,

**А юношу — быть молчаливым,
И, гордость смиряя в крови,
Склониться немым и счастливым
На слово великой любви.**

**Я житель чудесного края,
А край, о котором рассказ,
Забот и печали не знает,
Не знает тоски и гримас.**

ГОЛОС В ТЕМНОТЕ

Ночь вошла в окошко синее,
Видны луны фонарей,
Тени сказочные, длинные,
Тихо вышли из дверей.

— Если ночь тебя не успокоит,
Навевая тающий обман,
Если ты глухой сражён тоскою,
Если льётся кровь из свежих ран.

— Знай, что там, вдалеке,
На хрустальной реке
Дни и ночи мой город стоит,
Белой дымкой повит, —
Он на землю струит
Голубые каскады огней.

* * *

Ночью глухой и метельной
Спрячусь за старый фонарь:
— Пусть сторожат меня тени —
Сонная, злая бездарь.

В дом, навсегда опустевший,
Я всё равно не вернусь,
Буду далекий, нездешний —
Быстро забудется грусть.

Только взгляну сквозь ресницы
В тусклые блески окна:
— Спишь... и, наверное, снится
Радостный сон про меня.

Но, мимо глаз пролетевший,
Зря тебе, милая, снюсь —
В дом, навсегда опустевший,
Я всё равно не вернусь.

СКАЗКИ ДЛЯ СЕБЯ

1

Я хочу придти под вечер
К приоткрытому окошку.
И послушать говор сосен,
Шелест веток в вышине;
Мне тревожный тёплый вечер
Донесёт знакомый голос,
И удар упавшей шишки,
И полёт ночных мышей.
Я смотрел бы, как синеют
Облака, деревья, стёкла,
Как в бездонные озёра
Превращаются глаза...
И сказал бы, что люблю я
Больше всех её,
И слушать,
Как звенит над спящим прудом
Золотая стрекоза.

2

Мостика профиль горбатый,
Милая, тих, как всегда —
В красную дырку заката
Ветер вдевал провода.

Бедный, неласканный, старый,
Скоро устав на земле,
Звонким трамвайным кошмаром
Кто-то качался в петле.

Словом, чуть-чуть синеватый,
Вечер, обычный до слёз,
Тихий, как серая вата,
Скучный, как запахи роз.

3

Я нечаянно здесь, я смотрел
В отраженья серебряных крыш;
От весны я совсем заболел,
Как от света — летучаямышь.

Я пришёл, мне хотелось сказать:
— Извини, это было давно,
И на ветер рукой показать,
И раскрыть голубое окно.

Извини, это было давно...

4

Разве стыдно смотреть по ночам
На тревожное море луны? —
В нём встают удивлённым очам
Так подолгу желанные сны.

Всё вчерашнее брось, всё забудь.
Заколдован в зелёный туман,
Посмотри, как волнуется грудь,
Как пьянит золочёный обман!

Пусть тебе не дожить до утра,
Ты решил навсегда, Скорпион, —
Это значит: ты умер вчера,
Это значит: да здравствует сон.

Разве стыдно смотреть на луну?

Аллочке Быстровой

Когда мысли, свиваясь, поблекли,
Как облака на восходе —
Я понял — и мне стало страшно,
Что очень тебя люблю.

Если бы ты не любила, —
Мне было бы легче немного,
Но ты так доверчиво ждала
И знала, что я люблю.

Мою любовь полюбили,
Мою любовь разгадали —
Скукой запачкали слово...
Это и есть трагедия — понял наверное.

Только, когда мысли, свиваясь, поблекли.

Март 1953

* * *

Стихло закатное небо,
Я на закате стих.
Небыль — настоящая небыль, —
Вечер, как белый стих.

Кошки глаза метали
В звёздную пуантель, —
Звонко зрачки слетали,
Бито звеня в панель.

* * *

Я к себе не пущу почтальона,
Не открою тяжёлую дверь, —
Только листья осеннего клёна
Я без скуки читаю теперь.

Нет глупее почтовых рассыльных,
Стережущих меня под окном, —
С пересыпанным бархатной пылью,
От недель пожелтевшим письмом.

— Не ходите ко мне, почтальоны,
Не тревожьте звонками дома, —
Эти буквы в конверте зелёном
Никогда не сходили с ума.

Я сниму опустевшую дачу
И уеду на Финский залив, —
Эта девушка только заплачет,
Но совсем не умрёт от любви.

— Не ходите ко мне, почтальоны,
Не стучите в тяжёлую дверь, —
Только листья осеннего клёна
Я без скуки читаю теперь.

ДРУГУ

**Когда в бою покинут силы
(Ведь, может быть, случится так!),
Ты в знак того, что сердцу мило —
Умри не так, как хочет враг.**

**Но в память тех, кто пали прежде,
Чьим взорам больше не цвести, —
Погибни так, чтоб жить надежде —
За эту гибель отомстить.**

* * *

**Читая старые стихи,
Я не скорблю о днях счастливых,
Что, так прозрачны и легки,
Сверкают в рифмах торопливых.**

**На потемневшие листы
Я только раз взглянул с печалью,
Когда напомнили они
О друге искреннем и дальнем.**

* * *

Легки тревожащим безвестьем,
Как на рассвете — синий дым,
Тобой навеянные песни —
Арго, невнятное другим.

Пускай назад закрыты двери,
Но никогда не прокляну
Тот час, когда, тебе поверив,
Я бросил синюю страну.

И нет мне радости певучей, —
Тоску по дальним берегам
Сковать в звенящие созвучья
И бросить их к твоим ногам.

Когда же ты, пресытись сказкой,
Уйдешь к другому, наконец,
Я на колпак пришью дурацкий
Стеклянно-звонкий бубенец.

И в час, когда, наскучив балом,
Придешь грустить на спящий пруд,
Тебя смешить закатом алым
Я стану, твой любимый шут.

Не огорчит унылым видом,
Забыв про собственную боль, —
Паяц, не знающий обиды, —
Былой страны — былой король.

26 марта 1954

* * *

Мне с площади, как бочка, гулкой,
Где в лужах — все цвета востока,
Видны, над щелью переулка,
До блеска вымытые окна.

Куда, бледнеющий от муки,
Иду просить любви и битвы,
Несмело простирая руки,
Как пращур мой в часы молитвы.

У самой робкой и тревожной,
В глазах таящей сны и иглы,
Спросить легко и осторожно:
— Меня не сможет полюбить ли?

* * *

Не жалею мне звенящего света, —
До призывов к недалёкой войне
Я изысканным буду поэтом
В предрассветной твоей стороне.

Я тяжёлые звонкие яды
Соберу для усталых ресниц,
Чтоб не видеть тоскующим взглядом
На закат улетающих птиц;

Не видеть, как небесные раны
Истекают лимонной луной,
И не слышать, как плачут органы
До утра над тобой, надо мной...

Чуть остынут вечерние дали,
Окаймлённые в траур дорог,
Как, нежней твоих рук под вуалью,
Серебристый послышится рог.

И в твоём утопающий свете,
Позабывший ночные пути,
Не смогу я ему не ответить,
Не смогу на призыв не придти.

Ты цветы наклони надо мною,
Орошённые мёртвым ключом,
Потому что, стремящийся к бою,
Я заранее пасть обречен.

* * *

Дороги лежат под ногами,
Они никуда не ведут.
А небо полно облаками,
И склон его сказочно-крут.

Там бродят тяжёлые солнца,
Срываясь в щемящий закат, —
И косо, как будто японцы,
Стеклянные ливни стоят.

Там ищут (что ж! сердце не камень!) —
И там ничего не найдут:
Дороги лежат под ногами.
Они никуда не ведут.

* * *

— В голубую зарю
С жёлтым месяцем
Как мне стать фонарём? —
Как повеситься?

Жаль, ни мне, ни тебе —
Нам не дадены
На чугунном столбе
перекладины!

— Не для нас (в стеклянной
скворешенке) —
Звёзды пряные,
Как подснежники;

Подбирают лучики ломкие
Золотые ключики,
тонкие!

— Но ни мне, ни тебе,
Ах, не дадены!
На чугунном столбе —
перекладины...

— В голубую зарю
С жёлтым месяцем
Как нам стать фонарями, —
повеситься?

24 апреля 1955

* * *

Рождённый осенней клоакой,
Мерзавцем, не знающим чести,
Я схохну бродячей собакой
Под окнами бывшей невесты.

Весь день, невзирая на лето,
Она не откроет окошка,
Наверное, думая — это
Воняет убитая кошка.

Тогда-то душа, что скорбела
Позором своим втихомолку,
Вселится в точёное тело
Стремительно-лёгкого волка.

Где мхи, голубые, как утро,
Из тёмной земли вырастают,
Роса обольёт перламутром
Мою быстроногую стаю.

А городом тёмных бесчестий
Промчатся трусливые толки,
Хотя и гнушаются мести
Могучие гордые волки.

* * *

Воспрянув в безмерной гордыне,
Цветут надо мной паруса, —
А Бог над бунтующим сыном
Хохочет на все небеса.

Кричат переводчики в рупор:
Твоя, мол, отвага смешна, —
— Чего тебе надобно, глупый?
И я отвечаю:
— Рожна!

* * *

Мне сказочной грёзы не надо,
Я верю: сегодня не зря
Цветами весеннего сада
Цветёт надо мною заря.

Любое забудется горе:
Я выйду в апрельском тепле
В написанный радостью город,
Альфреско на свежей земле,

Где ветер из трёх океанов
В сияющий Финский залив
Выносит на крыльях туманов
Из тёплых морей корабли,

И взглядом, как в юности, острым,
В разбеге певучих колонн,
Следит, поднимая у ростры
Трезубец, седой Посейдон.

ТУРНИР

На ветру взорвались стяги —
Это значит: близок бой.
Что ж, пора! — кипит отвага,
Клики реют над толпой.

Уж давно полны трибуны,
В медный рог трубят герольды.
Слава любящим и юным,
Слава всем, кто жизнью горд.

Словно солнце, щит мой ясен,
Крепок яшень у копья.
Всем, кто зол, труслив и грязен
Вызов свой бросаю я.

* * *

Я скоро забуду о свете —
Задушит неспешная плесень...
А в мире — сверкающий ветер
С немыслимо-утренней песней...

— Хоть час, хоть минуту свободы! —
Я в самые лучшие рифмы
Украсил бы мост, где у входа
Сидят золоченые грифы.

— Пустите! — Прелестные саги
Так звучны предсмертной порою...
Не пустят! — И мысль о бумаге
Несносна — больным геморроем!

— Палач мой, больной и угрюмый,
Ленивая старая бочка,
Пускай принесёт нам по рюмке
Твоя хромоногая дочка.

Смеётся — привыкла к поэтам...
— Как многим, хромая плутовка,
Ты грезилась ангелом света,
Пока заряжали винтовки!

А та... интересно, ходила
С изысканно-модной гримасой
Читать над пустою могилой
Финальный эдикт Фортинбраса?

ЛАПУТА

О, засмейтесь, смехачи!

Велимир Хлебников

**В бесшумном мраке библиотек
Темнеют вещие листы, —
Они запретны, как наркотик,
Как ядовитые цветы.**

**В них — жизнь. Но жизнь совсем другая:
И кисть смела, и ярок тон,
Там в были сказка огневая,
А в сказке — жизнь, и в жизни — сон.**

**Но это там. Оттуда эхо
Не донесёт весёлый гам, —
Земля, отвыкшая от смеха,
По небу едет по долам.**

ПРОДАВЕЦ МАСОК

**Моя длиннополая шляпа
Всегда и у всех на виду;
Я вечером синим заляпан
В промокшем весеннем саду.**

**Я всех узнаю без ошибки,
Горланю у всех на пути:
«Несите печаль и улыбки
В цветную пургу конфетти!»**

**— Хлопушки и маски-гримаски,
Билеты на бал-маскарад! —
Из будки дурацкой окраски
Я вечно выкрикивать рад.**

29 февраля 1954

* * *

*Мне на спину бросается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей.*

**Я пуст — мертвы мои дороги;
Нас кроет звёздная пурга —
Один, среди четвероногих,
Не мог стоять на двух ногах.**

**Хоть долг вражды — что помнит всякий —
Я не платил, как всякий долг,
Но те, кого я звал: «собаки!»,
Не смели мне ответить: «волк!».**

* * *

**Нет! Пощады от жизни не ждать. Но всегда
Беззаботно смеяться над ней —
«Мне на горло бросается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей!»**

**О, не волк я, хотя дрессированным псом
Не могу под ногами юлить,
Терпеливо вилять языком и хвостом,
А подчас и о ласке молить.**

* * *

*Зорю бьют... Из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих -
Дух далече улетает...*

А. С. Пушкин

1

**Нельзя векам обратно течь,
Как мне — нельзя слагать терцины,
Из рук поэта выпал меч —
То гвельфы били гибеллинов.**

**Мне римских цифр прозрачный ряд —
Лишь накрест сложенные спички:
Они лишь слабо повторяют
Всю бесконечность Беатриче.**

2

**Лежит Венеция в цветах,
На верфи — дантовская барка.
Студенту — пыль и духота
Библиотек святого Марка,**

**Мост Поцелуев, Вздохов мост —
Пускай изгнаннику всё ново —
Лететь душа, — хоть на погост,
Уж во Флоренцию готова.**

3

**В любви удачлив капуцин,
Поэт — страданием отличен;**

**— Тебе, о Боже, грешный сын
Вручает счастье Беатриче.**

3 августа 1953

РУНИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

**Есть тайный храм, где каждый — званный,
Кругом — медвежий край — леса,
А в храме том поют «Осанну»
И плачут чьи-то голоса.**

**Весь мир на тысяче наречий
Тот храм по-разному зовёт,
Но ясен взор и прямы плечи
У всех, кто крест его берёт.**

**Чей Бог — един, и Он есть Слово, —
Гонимый более других,
Он жить не станет в храмах новых,
Ему смешон убогий стих**

**Корявых песен новых хамов, —
Их мысли грязны, как скопцы...
Но есть рунические храмы,
Есть Бог, и есть Его жрецы.**

**Он есть. Огни его не яркие, —
Не всем видны, но есть ещё, —
И циклопические арки
Повиты хмелем и плющом.**

* * *

Долгий путь остался позади —
Я опять один на целом свете,
— Не буди меня, о, не буди,
Голубой весенний ветер!

Глубоко запрятан в сердце стон,
На глазах давно просохли слёзы, —
Я хотел бы спать и видеть сон,
Безмятежный, ласковый и звёздный.

Пусть совсем один на целом свете,
Все мечты оставив позади,
Буду спать, а ты, весенний ветер,
Не буди меня, о, не буди!

ПОЭМЫ

СПАРТАК

*Посвящаю всем, потерявшим
свободу и мечтавшим о ней*

<песнь первая>

Взглянув на пыльные страницы,
Мы новой гордостью горим.
Луна. Летят над Тибром птицы,
И канул в ночь распутный Рим.

В лимонной роще ночью лунной
Над серым шорохом воды, —
Как будто маленькие луны, —
Желтеют спелые плоды:

К волнам ласкаются игриво
И к людям — только не для игр.
Сюда собрались молчаливо
Они, —
У ног разлегся Тибр.

Свиваясь в кольца, до рассвета
Звенит, боясь проспять беду...
Но чьи шаги доносит ветер?
Чей голос слышится в саду?

— Спартак, твой плащ забрызган ночью,
В твоих глазах — следы луны.
Садись. Скажи нам, что ты хочешь
И чем мечты твои полны.

Сильней сердца забились в грудях,
Сгустился ярче лунный свет,
И, затаив дыханье, люди
Тревожный слушали ответ.

— Кому не хочется свободы?
Забыл ли кто-нибудь из Вас,
Что, — дети вольного народа, —
Вы Риму брошены во власть?

Кто вдаль душою не стремится,
Кому не тягостен позор,
Когда под солнцем серебрится
Снегами тень Фракийских гор?

И кто не думает упрямо,
Одною болью одержим:
Погибло всё, разбиты храмы,
Любимый край окутан в дым...

— Довольно!
Всё мы знаем сами,
Забыл лишь ты (о, чёрный сон!):
Владеют даже небесами
Те, те, чьё имя — легион!

— Забыл ли я! Земля стенает
От шага бронзовых когорт,
Весь мир дрожит и проклинаят,
Ногами воинов истёрт.

И Рим, раздувшийся без меры,
Не видит собственной межи,
Идут его легионеры,
Неся на копьях рубежи.

Я помню всё, и день предвижу:
Мы встанем грозно, щит к щиту, —

Тогда, быть может, я увижу
Свою воскресшую мечту...

— Свидетель будь, Юпитер Статор!
Я в вечной верности клянусь, —
И шепчет каждый гладиатор,
Снимая меч, своё «клянусь!»

песнь вторая

1

Только вечер умрёт бледно-розовый,
Золотая увянет заря,
— Кто приходит огнистыми росами,
Упоительной страстью горя?

Облака серебристыми ордами
Уплывают, и арфа слаба
Нам поведать, как римлянка гордая
Полюбила сегодня раба.

Кто душе её робкой и девичьей
Неожиданно счастье принес? —
Он, прекраснее всех королевичей
И светлее сияния звёзд.

До рассвета лишь им и любуются,
Косы золотом падают с плеч:
— Что сегодня возлюбленный хмурится
Что сжимает в волнении меч?

То ли сердце тоскою изранено,
То ль видения мучат — невмочь?
Или разум, луной одурманенный,
Истомила весенняя ночь?

— Я склонюсь, как цветок, осторожная,
Ты со мною не станешь страдать...
Или, может быть, мысли тревожные
Поцелуям моим не прогнать?

Или в сердце другая, коварная, —
Как кукушка в чужое гнездо, —
Залетела и тёмными чарами
Вышивает свой чёрный узор?

2

— О, ты смутилась не напрасно,
Хоть славен верностью Спартак —
Твоя соперница опасна,
И грусть героя неспроста:

«Она» прекрасней всех на свете,
Стройна, как гибкая лоза,
А вздох её — весенний ветер,
И солнце — ясные глаза.

Порабощённые народы
Как дня, её прихода ждут,
И в честь неё слагая оды,
Её СВОБОДОЮ зовут.

И ждут на ветренном рассвете
На смерть восставшие друзья —
Их дальний зов приносит ветер,
Ему противиться нельзя.

— Послушай, трубы за рекою,
Поют, вещая близкий бой,
Ты меч подай своей рукою,
Своею нежною рукою.

Спартак, силен твоим приветом,
Не склонит голову в борьбе,
Чтоб снова розовым рассветом
Придти когда-нибудь к тебе.

3

Только горы в туман бледно-розовый
Утопила, вставая, заря —
Ты идёшь по утренним росам,
Словно факел чудесный, горя.

— Будто небо рассветное, чистое,
Твой, Валерия, взгляд вдалеке,
Загораются звёзды лучистые
На твоей обнажённой руке.

.
Косы волнами падают с плеч,
Ты проходишь огнистыми росами,
Исполинский несущая меч.

И стоишь на дороге синеющей,
Затаила глухую печаль:
Спартака, словно день пламенеющий,
Провожая в лазурную даль.

песнь третья

Ночным молчанием объятый,
Спартак — в плену чужой земли, —
Уже предатели-пираты
Уводят в море корабли.

Уже разгромленный рабами,
Позор изведавший не раз, —
Его предательскими рвами
Опутал хитрый консул Красс.

— Зачем напрасной крови трата?
Исход сраженья предрешён. —
Инкогнито в его палатку
Надменный римлянин пришёл.

— Спартак, Спартак! В сиянье лунном
Ты слышишь вражескую речь?
(Как хочет консул хитроумный
Тебя в предательство вовлечь!)

О, искусителя умелей,
Не знали, верно, до сих пор!
Он шепчет: «Утро заалело,
Истосковался милый взор.

Смотри, уже бледнеют звёзды,
Забудь про всё, покинь друзей:
Спеши взглянуть (ещё не поздно)
В глаза Валерии своей.

Пусть удача и покинет,
Изменит слово иногда, —
Одна Валерия отныне
Верна и преданна всегда.

В её крови разлитый пламень
Зовёт — любить её одну,
— Люби её — ведь мы не камень,
И Рим простит твою вину».

Но встал Спартак, смиряя ярость,
Алей, чем брызжащий рассвет,

**И гордо бросил редиарис
Как сталь отточенное: «Нет!».**

**— Пускай погибнем мы сегодня, —
По наши огненным следам
Идёт иная жизнь: свободна,
Душой открытою горда.**

**— Вернись к своим, ночной посланник,
И если жизнь не дорога,
То встретить меня на поле брани,
Как в битве следует врага!**

**И, громко крикнув ординарцам,
Чтоб гостя вышвырнули прочь,
Взглянув, как кровь струится с Марса
В тревожно стынувшую ночь,**

**Ушёл, стремительный и резкий,
Чтоб смерть найдя в грядущем дне,
Навек застыть в помпейской фреске
С мечом, на взмыленном коне.**

НОЧИ

Приход Весны - сон ли это?

1

Под утро снега посерели,
Метели набухли водой,
И первая нота капли
Ударилась в лёд голубой.

Сквозь сон мне всё время казалось,
Что день слишком рано настал...
Досадная, глупая шалость —
Я очень устал.

2

(«Всё-таки Весна»)

Нет! Я проснулся от боя часов,
Встал, закурил — и рад:
Дня ещё нет, время для снов,
Сонный тупеет взгляд.

3

А всё-таки радость! Мышонком в груди
Бьётся. Так. Без причин.
Весело.
Ночь ещё вся впереди,
А карандаш — один.

В такую минуту обидно
Видеть пустой листок,
Хоть букв в темноте не видно
И где-то ворчит водосток.

Где-то звонок запоздалый
Просится в чью-то дверь, —
Часов до рассвета мало
И много больших потерь.

Если пройти по снегу,
В серебряный выйти сад,
Взглянуть на чёрное небо —
Нескоро придёшь назад.

А времени мало-мало,
И надо еще успеть
Пройти по дорожкам талым,
Под крыши домов посмотреть.

Пойдёшь по глухим переулкам,
Не скоро придёшь назад, —
По камню то глухо, то гулко
Чьи-то шаги застучат —

Ну как не обшарить взглядом,
Как не взглянуть им вслед? —
Куда? Далеко или рядом... —
И ждут ли кого или нет?

А времени мало-мало,
И надо ещё успеть
Подумать о домике старом
И запертый двор осмотреть...

Уж скоро пойдут трамваи,
А дома — пустой листок!
Но дворник так чудно зевает,
Так странен красивый мосток.

Уж если ушёл до света,
Нескоро придёшь домой, —
Никто не наскучит советом,
Никто не пойдёт за тобой!

— Залезь на чужую крышу,
Понюхай вдали весну,
Послушай, смешно как дышит
Труба, отдаваясь сну.

— Схвати на прощанье воздух,
Вздыхни отсыревшей тьмой,
Но слишком не надо мерзнуть —
Забьется в груди: домой!

5

Дома тепло и привычно:
Сразу — каскады строф,
Сразу — всё, как обычно, —
Пламенем высохших дров.

Схватят созвучия, ритмы, —
Тут голова — хоть трещи,
Вспышками блещут рифмы —
Слушай, лови, пиши...

В двери, в окошки, в уши —
Громом красивых начал...

Этого тот не слушал,
Кто хоть однажды скучал.

Ближе к рассвету — строже,
Медленней, резче, скупей, —
Страстной и нервной дрожью
Охватит стих-чародей,

А сам будто пьян до рассвета,
Скорее спешу поймать
Далёкие всплески ветра —
Заснул, уронив тетрадь.

6

Проснулся под вечер, не зная,
Сколько же я проспал,
Прочёл... лениво зевая,
Думал: кто написал?

— Верно, друзья приходили,
Да пожалели будить,
Ждали, ехидно курили,
Решив эпиграммой сразить.

— Вон понаписано сколько!
Да этим меня не проймёшь...
Брошу листки на помойку,
Словно поломанный грош...

Но было и по-другому, —
От радости сам не свой,
Соседям набьёшь оскому
Рифмованной чепухой.

**А после утихнет радость, —
Читаю всю ночь друзьям,
Не злюсь на любую шалость —
— Красиво — я вижу сам.**

ЭПИЛОГ

**Тяжёлое эхо
Глотало потоки прозрачного смеха,
И снова надолго всё смолкло потом,
И ночь наступила,
Не слышал никто,
Как пел и смеялся
В безрадостной мгле
Последний, быть может,
Поэт на земле.**

21 апреля 1953

ЗВЁЗДНЫЕ ВЫЮГИ

(впечатления в Отрадном)

1

**Помнится, тёмные сосны шумели...
В жёлтом дыму снеговых облаков
Вились искристые кольца метелей,
Синие ливни снегов...**

**Ночью за стенкой рыдали собаки —
Снились им, видно, любимые сны,
Снились весёлые пёстрые драки
В тёплом раздолье собачьей весны.**

**Им подвывать приходила старуха,
Добрая грязная Баба-Яга,
В ватной ушанке с разорванным ухом;
Богу зачем-то шептала о внуках,
Тёплые грязные слезы
Вкусно роняя в снега.**

**В книжку вернулся сбежавший бесёнок —
Долго возился в страницах, шуршал;
Выл, как больной разозлённый ребёнок,
Кашлял всю ночь, а под утро — пропал...**

**Днём под окошком повесили суку, —
Длинная бледная сука-тоска,
Долго моталась... — и серая скука
Слюнной верёвкой текла с языка.**

2

**Там, откуда взглянул закат,
Словно красный ангорский глаз,**

**Где по крышам шли облака —
Тихо пепельный вечер гас...**

**А когда посинели снега,
Ветер песню ночи запел,
И луну потушила пурга —
От тоски лесовик заревел.**

**И в слезах зазвенела сосна,
До земли наклоняя стан, —
Это значит: близка весна,
Значит — по лесу бродит Пан.**

.....

**В синей замёрзшей свирели
Песни, как ночи, глухи,
Ночи совсем одурели,
В снах завывали метели,
Буками в лунных осколках
Старые снились стихи.**

**Бред...
«Где-то темно и глубоко...
Неба открылся клочок,
Ветер принёс издалёка
Песни весенней намёк.
...Плакали зимние бури...»
Сны закружились до дури,
Нет ни весны, ни намека...
Завтра... Всегда... Господа!
«Господа, если к правде святой...»
О какой-то звезде золотой
Говорят, а не видно ни зги, —
Тонет всё в океане пурги.
— Хоть бы каплю! Немножечко света,**

**Чтобы руки увидеть свои,
Видно, мне не дожидаться рассвета...
«Золотое, как небо? Аи?»
— Разве было?
— Конечно!
— Наверное...
— Всё равно...
— Настроение скверное...
«Мир дорогу найти не сумеет, —
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой».**

«Вставай, проклятем заклеймённый!»
— Вставай!
— Ложись!
— Вперёд!
— Назад!

Гремит сапог — мелькает зад:
«Которые влюблённые?!»
— Посмотри, милый друг, как прекрасна
 земля на рассвете...»
«Ветер, ветер... на всём белом свете...»
— Ветер, ветер... Да здрав!.. ствует...
 Буфф!!!